

Роман Галкин
Рекрут

От судьбы не убежать!

Annotation

Он не хотел отдать воинский долг Отечеству и решил обмануть Судьбу. Но долг мужчины — это его судьба. А от судьбы не убежишь. А если попытаешься, то она догонит и подарит двадцать два дня в другом мире. Двадцать два дня, длиною в целую жизнь. Двадцать два дня в мире, где альтернативой воинскому долгу может быть только чужеземное рабство.

— Черт, черт, черт! Блин, блин, блин! Что же делать?! Что же дела-ать?!!

Денис мерил шагами комнату, пытаясь найти выход из сложившейся тупиковой ситуации. Шесть лет он успешно косил от армии. Сперва отец, когда еще был живой, давал взятки кому-то из военкомата, потом действовала отсрочка на учебу в институте. Денис уже и думать забыл об этой милитаристской угрозе. В прошлом году успешно закончил институт, устроился на хорошую работу. Жизнь налаживалась. Правда, осенью приходила повестка из военкомата, но Денис ее игнорировал. И ничего, никакой реакции из комиссариата не последовало. Поэтому, обнаружив в конце апреля в почтовом ящике новое послание из военкомата, парень со спокойной душой порвал его на мелкие клочки и рассеял их по порожкам, поднимаясь на третий этаж.

Последние дни все мысли занимала Алена Пришвина, дочь владельца фирмы, в которой он работал. Она работала там же офис-менеджером. Красавицей не была, но и уродиной тоже не являлась, фигурка вполне ничего. Денис почти полгода не обращал на нее внимания, пока один из сотрудников не намекнул шутя, что девка, мол, сохнет по нему, глаз с него не сводит. Денис поначалу отмахнулся, типа, да нафиг она нужна, но потом задумался. Ему уже двадцать пять. В принципе, для мужчины это еще далеко не крайний возраст, чтобы заводить семью. Но вот подфартит ли стать зятем владельца пусть и небольшой, но довольно успешной фирмы, с перспективой однажды занять его место... Впрочем, подобная перспектива и сейчас была довольно туманной и основывалась лишь на намеках коллеги. Но парень знал, как обращаться с девушками, и уж такую-то клушу, как Алена, окрутит без напряга. Сказано — сделано. Через две недели дочка босса оказалась в его постели. А еще через неделю он долго выслушивал от ее папаши много нелестного о себе, после чего оказался за дверями фирмы. Еще через несколько дней и пришла та повестка, которую парень благополучно порвал. Однако через день принесли повестку под роспись. Денис попробовал отказаться, но женщина, принеся повестку, спокойно объяснила, что иначе ему придется иметь дело с участковым. Пришлось поставить закорючку. Но в военкомат он все равно не пошел. Через день после того, как было предписано явиться, пришла повестка в милицию. Там брюнетка в погонах старшего лейтенанта объяснила, что ожидает тех, кто уклоняется от воинской повинности, и вручила очередную повестку, пообещав, что больше повесток не будет, ибо в следующий раз сразу отправят в тюрьму для прохождения альтернативной службы.

И вот сегодня Денис прошел через эту унижительную военкоматовскую медицинскую комиссию. Переходя из кабинета в кабинет, он каждый раз встречал презрительно оценивающий взгляд очередного медицинского специалиста и чувствовал себя под этими взглядами бессловесным скотом. Нет! Он не такой! Он не хочет быть в этом стаде! Он достоин лучшего!

— Что же делать?! Что же делать?! — повторял призывник, меряя шагами комнату, то и дело натываясь взглядом на валяющуюся на диване повестку, предписывающую явиться для прохождения службы.

Не сразу дошло, что звонит телефон. Когда поднял трубку, то там уже раздавались короткие гудки. Кто-то не дождался. Бросив взгляд на определитель, узнал номер Димки, его

институтского приятеля. Димка, вечно подвижный, слегка полноватый, с постоянно взлохмаченной рыжей шевелюрой, отличался тем, что мог найти решение для самой, казалось бы, безвыходной ситуации.

— Может, он что подскажет? — пробормотал Денис и набрал номер товарища. — Привет, Ди. Ты чего звонил?

— Привет, Дэн. Ты чего трубку так долго не брал? — послышался Димкин басок. — На очке, что ли, тужился? Ха-ха. А я вот решил вызвать тебя на соцсоревнование.

— На какое еще соцсоревнование? — не понял Денис.

— Ха. Да это мне дядька рассказывал, раньше, еще при Союзе, рабочие вызывали друг друга на соцсоревнования, ну, типа, как на дуэль. Понимаешь?

— Нет, — честно признался Денис.

— Вот ты, блин, тормоз, Дэн. Ну, типа, кто больше сделает деталей, или там, тканей наткет, тот и победил. Понял?

— Кого?

— Что, кого?

— Кого победил?

Этот вопрос заставил Димона на несколько секунд задуматься.

— Короче, Дэн, — сказал он после раздумья. — Теперь я точно уверен в том, что тебе просто необходимо участие в соцсоревнованиях. Ты когда последний раз пиво пил?

— Не знаю. Не помню. Не до пива мне сейчас, — бросил в трубку Денис.

— Во ты, блин, заморочился, Дэн. Нормальному человеку всегда до пива.

— Я не нормальный человек, Ди. Я призывник, понимаешь? Меня через два дня в армию забирают.

— М-дя, косяк, — согласился Димка. — С пивом я лажанулся. Для этого случая необходим более крепкий напиток. Короче, Ден, я вызываю тебя на соцсоревнование по уничтожению водки. Победитель получит значок «Победитель соцсоревнований», мне его дядька подарил. Сиди дома, я щас буду, только на склад боеприпасов загляну затариться.

— На какой склад? — переспросил Денис, но ответом ему были короткие гудки.

Димка появился почти через час, сразу прошел на кухню и потребовал самую большую сковороду, какая только есть в этом доме. Пока Денис вытаскивал из под плиты старую чугунную сковородку, приятель достал из пакета две литровые бутылки водки и большой пакет мороженных пельменей.

Накалив сковороду, Димон залил ее подсолнечным маслом и засыпал пельмени. Денис впервые видел, чтобы пельмени жарили сырыми, без предварительной варки. Однако минут через пять они приобрели весьма аппетитный вид, соблазнительно сияя обжаренными до золотистой корочки боками. Парень представил, как они будут хрустеть на зубах, и рот тут же наполнился слюною.

— Ну ты, Ди, прямо, блин, Макаревич, — похвалил он друга, сглотнув слюну.

— А то, — гордо отозвался тот, вороша пельмени деревянной лопаткой. — Убирай все со стола. И клеёнку тоже убери. Для чистоты соревнований нужен чистый стол.

Пожав плечами, Денис выполнил требование друга.

Димон, выключив плиту и оставив пельмени шкворчать на сковороде, с торжественным видом вынул из кармана и положил на центр стола небольшой значок, на котором действительно было написано «Победитель соцсоревнований».

— Это приз, — пояснил он. — Доставай орудия труда.

— Какие орудия? — не понял Денис.

— М-дя, — Димон хотел было сказать что нить язвительное по поводу деревянности приятеля, но махнул рукой и терпеливо пояснил: — Орудиями труда в данном соревновании могут являться только стопки.

Сказав, он с хрустом крутанул пробку на одной из бутылок и щелчком сбил пластиковый кругляшек с вылезшего из пробки соска. Водрузив бутылку рядом с раритетным значком, приятель взял сковороду и принялся выкладывать пельмени прямо на стол двумя рядами по обоим краям столешницы, выхватывая их пальцами прямо из горячей сковородки. Выложив все пельмени и пересчитав, тыкая блестящим от масла пальцем, Димон закинул один пельмень в рот.

— Лишний, — пояснил он наблюдавшему за процессом Денису.

Отставив сковородку обратно на плиту, забрал из рук приятеля стопки и поставил во главе каждого ряда пельменей.

— Сомов Ден Игоревич, — торжественно обратился он к приятелю, закончив затейливую сервировку. — Я, Дедиков Ди Станиславович, бросаю Вам вызов, вызывая на соцсоревнование. Принимаете ли Вы мой вызов?

— Ну, да, наверное, — проямлил Денис

— Мда, — снова произнес Димон, оценивая состояние друга, и, указав на табуретку с противоположного от себя края стола, сел сам и наполнил стопки.

— Будем! — прозвучал первый тост из уст Димки.

Приятель чокнулись, опрокинули содержимое стопок вовнутрь, метнули в рот по первому пельменю и, поставив на освободившиеся от пельменей жирные пятнышки стопки, смачно захрустели обжаренными шариками.

— Для ускорения реакции! — не заставил себя ждать второй тост.

— Для закрепления эффекта! — не отстал от предыдущего третий тост.

— Вот теперь рассказывай, — воззрился на приятеля Димон, закончив хрустеть третьим пельменем.

Денис встал из-за стола, принес из комнаты повестку и молча накрыл ею призовой значок.

— Не-е, — замотал головой Димон, изучив предоставленную ему бумажку, — для осмысления этого документа надо накатить еще по одной...

— Р-рота, подъем!

Денис вскочил было с дивана, но резкая головная боль уронила его обратно. О, Боже! Что с ним? Он что, уже в армии?

— Вставай, чувак, проспичь последний день гражданской жизни! — тормозил его кто-то.

С трудом удалось открыть глаза. Лучше бы не открывал. Не увидел бы рыжего черта. А разве черти рыжими бывают? И почему у него так много рогов? Денис несколько раз моргнул, взгляд постепенно сфокусировался, и черт превратился в улыбающегося Димку. Его шевелюра, и так вечно торчащая в разные стороны, сейчас топорщилась отдельно скрученными то ли рожками, то ли лучиками. Физиономию густо покрывала проросшая за ночь рыжая щетина. Пожалуй, если сильно впечатлительный человек увидит спросонья такую рожу, то легко может заполучить инфаркт.

— Что со мной? — простонал Денис.

— Ты проиграл соцсоревнование, — радостно сообщил Димон, тыча пальцем в висящий на его груди значок. — Ладно, вставай давай.

— Куда вставать? Зачем? — бедолага говорить-то мог с трудом, а о том, чтобы встать и куда-то идти, не могло быть и речи.

— Эй, Дэн, не тупи, — Димон тряхнул так, что парень застонал от шибанувшей в голове боли. — Я уже позвонил Сэму. Он нас ждет. Давай, глотни пивка и покатим.

Снова открыв глаза, Денис увидел перед собой руку, держащую стакан с янтарной жидкостью, пузырящейся прохладными шариками газа. С кряхтением приподнявшись, выхватил из Димкиной руки стакан и с жадностью приник к нему.

— Во! — односложно одобрил его действие приятель.

— Про какого Сэма ты только что говорил? — спросил Денис, опорожнив стакан и снова откинувшись на диванную подушку.

— Ты что, совсем нифига не помнишь?

— Не-а.

— Ну, ты, блин... Тебе никогда не выиграть соцсоревнование, — вынес приговор товарищ и спросил: — Чувак, ты в армию сильно хочешь?

— Вообще не хочу, — мотнул головой призывник и, сморщившись от вновь шибанувшей боли, добавил: — Лучше умру тут от похмелья. Ты будешь носить цветы мне на могилу?

— Офигел?! — возмутился приятель. — Ты знаешь, сколько сейчас букетик цветов стоит? Разорить меня хочешь?

— Тьфу на тебя. А еще другом называется, — Денис наконец-то сел и начал шарить босыми ногами по полу в поисках тапок.

— Вот потому, что друг, я не буду носить тебе на могилу цветы, а отведу тебя к Сэму. Собирайся скорее. Он долго ждать не будет.

— Да кто такой этот Сэм?

— Брат одной моей девушки. Тот еще ботаник. Всякие там эйнштейны нервно курят за углом. Но вот на соцсоревнование я бы его вызывать не рискнул, бо видел, как он поглощает неразбавленный спирт. Монстр, короче, еще тот.

— Мне-то он чем поможет, этот монстр? Сожжет чистым спиртом?

— Во ты, блин... Я же тебе вчера еще объяснил, — возмутился Димка, взметнув рыжие брови кверху. — Я же тебе говорю, он тот еще ботаник. От армии отмажет железобетонно. Короче, хлопаем еще по стакану, и я вызываю такси.

Он ушел на кухню и через минуту вернулся с двумя стаканами янтарного напитка. После второй порции пива хоть и зашумело в голове, но общее физическое состояние организма значительно улучшилось. Денис прошел в ванную, а когда, умывшись, вновь появился в комнате, то Димон сообщил ему, что через пару минут к подъезду подкатит такси.

— Да куда мы едем-то? — возмущенно спросил он приятеля.

— Не тупи, чувак, — ответил тот не менее возмущенным тоном. — Я тебе уже десять раз сказал, что к Сэму.

Парень хотел было спросить, кто такой Сэм, и зачем к нему ехать, но вспомнил, что уже спрашивал об этом и получил ответ, мол, Сэм — это тот еще ботаник, способный глушить неразбавленный спирт. В общем, сил спорить не было, и Денис поплелся одеваться.

Сэм оказался худым высоким блондином с такой же растрепанной шевелюрой, как и у Димона, только более редкой. Ребят он встретил у дверей одного из местных НИИ и повел за

собой полутемными коридорами.

— Чего поздно? — бубнил по дороге. — Я же предупреждал, чтобы приехали пораньше, пока никого нет.

— Так нет же никого, — оглядел пустынный коридор Димка.

— Это пока нет. Через десять минут начнут приходить сотрудники. Обязательно найдется кто нить любопытный, сунет нос в мою лабораторию. Ты ему все объяснил? — Сэм кивнул в сторону Дениса так, будто тот был бессловесным подопытным кроликом, не способным говорить за себя.

— Все объяснил, обо всем предупредил, — заверил Димон. — Так что давай, Семен, спасай моего дружаку. На тебя последняя надежда.

Денис хотел было потребовать объяснений происходящего, но в это время Сэм распахнул большие двухстворчатые двери, и они вошли в помещение, обставленное массой различных приборов, опутанных проводами и трубками.

— Садись, — указал он на кресло, стоявшее на круглом подиуме посреди помещения. — Мобильник, плеер, все что есть электронного, положи на стол. Чтобы ничего в карманах не осталось. Да садись же, что стоишь как пень?

Где-то в душе Денис возмутился такому бесцеремонному обращению, но сил спорить все еще не было, а потому послушно выложил мобильник и сел в кресло.

— Пей, — Сэм протянул ему стакан с оранжевой жидкостью, похожей на апельсиновый сок.

На вкус это действительно оказался апельсиновый сок, и парень с удовольствием выпил его до дна.

— А точно на пять лет? — подал голос Димка.

— Риск, конечно, есть, — ответил Сэм, — Но ошибка может быть не более чем еще на пять лет. В любом случае, возраст уже будет непризывной.

Денис хотел было спросить, о чем они говорят, но в голове вдруг все поплыло, в глазах потемнело, и он провалился в черную бездну.

— Гришка, ну-ка глянь, пьяный этот али мертвый?

— Живой вроде, ваш бродь. Чудно одет как-то. Нешто немчура какой. Ага, кажись проснулся. Эй, чудный человеце, ты кто ж такой будешь?

Открыв глаза, Денис увидел смотревшее на него рябое лицо с толстым носом и большими рыжими усами. Из-под чудной синей с белым верхом фуражки-безкозырки выбивались непослушные рыжие вихры.

— Димон, это ты? — спросил он, пытаясь сообразить, видится это ему в реале или снится.

— Ваш бродь, ентот, кажись, демонов призывает, — с тревогой в голосе проговорил рыжий. — Колдун, никак. И одет, опять же...

— Колдунов мы плетьми вразумляем, — отозвался молодой голос. — А ну, говори, кто ты таков?

Над ним нависла большая лошадиная голова. Большие глаза смотрели вопросительно и требовательно, верхняя губа нервно подергивалась, обнажая огромные белые зубы. Из ноздрей вырывалось горячее дыхание.

— Бред, — прошептал Денис и закрыл глаза. — Говорящих лошадей не бывает. Бывает паленая водка.

— Ты чего лопочешь, эй? — вновь послышался голос лошади. — А нукась, поднимите его да встряхните как след.

Сильные руки подхватили парня под подмышки, подняли и, встряхнув, поставили на землю. Затем еще раз ощутимо трянули, и Денис решил открыть глаза. Перед ним по-прежнему стояла лошадь.

— Будешь отвечать, кто таков, али сперва плетей отведашь?

Голос, оказывается, принадлежал не лошади, а седоку, молодому, вряд ли старше Дениса, мужчине с тонкими, аккуратно подстриженными усиками. На голове у него была такая же фуражка, как у рыжего, только с козырьком. Синий китель сверкал двумя рядами начищенных медных пуговиц. Светло-серые, почти белые штаны заправлены в высокие, до колен, сапоги. На боку узорчатые ножны с саблей, на рукояти которой болтался на веревочке веселенький помпончик.

— Слышь, клоун, ты чо, казак? — спросил Денис, и тут же рухнул на колени от мощного подзатыльника.

— Ты как с господином офицером разговариваешь, скотина?! Ваш бродь, разрешите всыпать ему плетей для вразумления?

— Охолони, Гришка, — спокойно произнес офицер. — Он, чай, не рекрут. Может, это непутевый сынок какого местного помещика. Что скажете, хлопцы, не из ваших помещиков этот?

— Не-е. Нетути у нас таких. Своих мы всех знаем, — отозвался нестройный хор.

— Может, беглый?

— Не. Глянь, какой холеный. И руки как у девицы красной.

— А одет-то и правда чудно.

Подождав, пока в голове пройдет шум от подзатыльника, Денис поднялся и осмотрелся.

Вокруг простиралось бескрайнее поле, зеленеющее еще не заколосившимися ростками какого-то злака. Позади всадника переминались человек десять странно одетых парней. Рубахи из грубой ткани подпоясаны веревками поверх мешковатых штанов, заправленных в грязные обмотки. Завершали гардеропчик самые настоящие лапти. И штаны, и рубахи пестрели заплатками. Ну, прямо крестьяне из прошлых веков. Кино тут снимают, что ли?

— Говори, кто таков? Откуда взялся? — толкнули Дениса в спину.

Оглянувшись, он увидел уже знакомую рыжую физиономию, обладатель которой был одет, как и офицер, в синий китель, только более грубой ткани и с меньшим количеством пуговиц. На боку так же висела сабля, но в более простых ножнах. Рядом стояли еще двое молодых солдат, одетых так же, но без сабель. Зато на плечах у них висели ружья с пристегнутыми к ним четырехгранными штыками. У обочины грунтовой дороги оседланная лошадь, принадлежавшая, вероятно, рыжему, щипала зеленую поросль, предварительно обнюхивая каждую травинку. К седлу приторочен старинный пистолет, размером с небольшое ружье.

— Мужики, вы из какой киностудии? И как я тут оказался? — задал сразу два вопроса Денис. Он хотел еще спросить, где Димон и Сэм, но решил сперва дождаться ответа на первые вопросы.

Мужики переглянулись.

— Говорит, вроде, по-нашенски, а не понять, — произнес кто-то из толпы ряженных под крестьян.

Офицер легко ударил коленями по бокам лошади, и та тронулась, неспешным шагом обходя вокруг Дениса, заставив посторониться рыжего Гришку и других двоих солдат.

Осмотрев парня со всех сторон, он спросил:

— Как звать-то тебя?

— Денис.

— Дионис? — переспросил Офицер. — Из греков, что ли?

— Из каких греков? — удивился Денис. — Русский я. Где тут попить можно? Киоск какой-нить есть поблизости? А то я, блин, щас помру от жажды.

— Русский, говоришь? — подозрительно глянул на страдальца офицер. — Так чего ж говоришь непонятно? Али в Европах обучался?

— Шпиен аглицкий, не иначе, — встрял рыжий.

— Цыть ты, — цыкнул на него всадник и снова обратился к парню: — Коли говорить не будешь, заберем с собой. В дороге разберемся. А не разберемся, так отправим в рекруты вместе вон с мужиками. Мы ныне с Европами воюем. Вот и послужишь России, коли русский.

Парень оторопело слушал этого наряженного в офицерское обмундирование давних веков и осматривал окрестности. Что-то явно было не так, не совсем правильно как-то. Но он никак не мог понять — что? Эти ряженные, наверняка, реконструкторы. Обыгрывают тут какое-то историческое событие. Что там знаменательного в истории случилось в мае?

И вдруг он понял, что смущает его в окрестностях. Нигде вокруг не было видно ни единого столба. Ни единого. Разве можно в наше время в центральной России найти поле, которое не пересекала бы высоковольтная линия? Но здесь во все стороны до самого горизонта не было видно ни железной опоры, ни бетонного столба, ни сохранившихся еще кое-где деревянных столбов, примотанных к железобетонным основаниям...

— А где мы вообще находимся? — обратился Денис к окружающим.

— Может, все-таки плетей? — снова встрял рыжий.

— Не хочешь говорить, кто таков, пойдешь с нами, — сказал Денису офицер, игнорируя реплику подчиненного. — Вздумаешь бежать, отведаешь плетей.

— Мягкий вы, ваш бродь, — укоризненно проговорил рыжий и, отойдя ко второй лошади, вспрыгнул на нее.

Офицер, меж тем, кивнул двум пешим солдатам на Дениса, и те толчками в спину заставили его присоединиться к группе крестьян.

— К вечеру нужно успеть до Колодезного, иначе придется в поле заночевать, — неизвестно кому сообщил рыжий Гришка и тронул лошадь вслед за офицером.

Остальные двинулись за ними. Денис, все еще ничего не соображая, шел вместе со всеми. Идущие рядом мужики посматривали на него с интересом, тихо шепчась меж собой, но заговорить не решались.

Большое облако медленно смещалось к югу, давая скрывавшемуся за ним солнцу взглянуть на землю по-летнему жарким взглядом. Денис снял ветровку, обвязав ее рукавами вокруг пояса. Но все равно белая футболка насквозь промокла от пота.

— Ить, бельишко у него какое, — приостановил лошадь оглянувшийся Гришка. — Аки у барышни знатной. Тонкое да белоснежное. Не содомит ли ты часом, паря?

— Русский я, — буркнул тот, еле шевеля пересохшими губами. — Дайте попить, пожалуйста.

— Неча, — ответил рыжий и, толкнув лошадь коленями, направил ее вперед. — У Мелового ручья остановимся, тогда и попьешь.

— Далеко до этого ручья, брат? — обратился Денис к шедшему рядом крепкому розовощекому парню.

— Версты три, если не боле, — отозвался тот. — Ты послушник монастырский либо? Только чой-та стрижен коротко так?

— С чего ты взял? — удивился он вопросу розовощекого.

— С того, что ты меня братом окликнул.

— Ну и что? Как гласит народная мудрость, человек человеку друг, товарищ и брат.

— Ишь ты, как мудрено сказал, — подивился розовощекий. — Чего ж мы тогда воевать идем других человек, коли они нам други да братья?

— А ну, цыть! — рявкнул офицер, смешно выпятив верхнюю губу, будто стараясь заткнуть усиками ноздри. — Не по вашим мозгам рассуждать о государственном промысле.

Собеседник Дениса тут же втянул голову в плечи и, потупив взгляд, пошел молча.

— Ты, сдается мне, грамоту разумеешь? — обратился к Денису офицер.

— Единственное, что я не разумею, — отозвался парень, — это где я и что со мной случилось.

— Может, и прав Гришка, — задумчиво глядя на Дениса, произнес офицер. — Может, и стоит десяток плетей всыпать для вразумления и более ясного изъяснения. Эй, Гришка!

Окликнув рыжего, он пришпорил лошадь и пронесся на сотню шагов вперед, после чего снова перешел на шаг.

— Что думаешь об этом, кхм? — спросил он у догнавшего его Гришки.

— Чудной, одно слово, — пожал плечами тот. — Одежки такой я никогда не видел. И не нашенская, и на европейскую не похожа. И говорит чудно, вроде по-нашенски, а понятно не все. Думаю я, шпиен енто.

— Нет, Гришка, — возразил офицер, приподняв фуражку и почесав макушку. — Шпиены не глупы, чтобы так наряжаться. Не княжич ли это непутевый какой? Гляди, какой холеный да пригожий. И разговаривает без почтения, будто с ровней, а то и свысока. Не встрять бы нам с ним в какую историю.

— Дык, чего ж он тут делал-то, княжич если? — подивился рассуждениям начальника Гришка.

— А может, дружки подшутили, — предположил тот. — Мы по молодости так делали, коли кто упьется на пирушке, кинем его в телегу, да и вывезем в чисто поле. Вот и этот, может, приехал к кому погостить, потому мужики его и не знают.

— Это как же, гостя, что ли, по пьянке выкинули? — подивился рыжий.

— Так, по пьянке же, — хмыкнул офицер.

— При моей памяти вы такого не вытворяли.

— При твоей памяти, Гришка, я еще слишком юн был. То уж потом было, когда тебя забрили.

Рыжий был родом из деревеньки в которой находилось имение Стерлиных. Василий, будучи мальчишкой, с позволения родителей проводил время в играх с деревенской ребятней. Был он дружен с Ванькой, своим одногодкой и младшим братишкой Григория. Потому-то рыжий, волею судьбы служивший теперь под командой молодого офицера, иногда мог по старой памяти сорваться на панибратское отношение к подпоручику, и тот не обращал на это внимание.

— И что ж нам теперича делать с ним, ваш бродь?

— Попервой узнать надо, кто он все ж таков. Вот только как узнать, коли сам не говорит.

— Плетей, дык...

— А ежели княжич али еще из какой знати, а? Сам потом не хошь плетей отвеждать?

— А как же тогда, ваш бродь?

— А вот и надо его разговорить. Узнать поболее. До ручья дойдем и встанем. Пусть даже и заночуем там. Небо вон чистое, дождя не предвидится. А то гоним его пеше, аки мужика какого.

— Дык, вдруг он и есть мужик, скоморох какой ряженный? — предположил Гришка.

— Может, и так. Да слишком ткани на его одежках тонкие, сразу видно, дорогие. Откуда скомороху в такие наряжаться? Нет, Гришка, надо разузнать точно, кто он есть. Ты прислушивайся, о чем он с мужиками говорить будет, но не встревай. Коли что, сообщай сперва мне. Понял?

— Так точно, ваш бродь, все понял. А ежели не княжич окажется, можно будет плетей всыпать?

— За что? — задал рыжему резонный вопрос офицер.

— Дык, это, — замялся Гришка. — Ну, может, тогда кому из мужиков всыпать? Они-то уж точно не княжичи.

Офицер с минуту задумчиво смотрел на ехавшего рядом рыжего, потом отмахнулся от него, как от надоедливой мухи, и остановил лошаадь, поджидая пеших.

Тем временем жара вкупе с похмельем окончательно доконали Дениса. Он шагал, думая только о том, чтобы скорее пройти эти чертовы три версты и напиться. Перед глазами стоял стакан пузырящегося пива, который утром поднес Димон. Все отдал бы щас за холодное пивко, в армию пошел бы даже. Кстати, а где этот рыжий черт Димка? И где он сам находится? И что вообще вокруг происходит? Кто эти странные люди? Куда его ведут? О,

Боже, как хочется пить! Хоть бы дождь пошел, что ли.

— Из какой фамилии будешь? — раздалось над его головой.

Парень поднял взгляд и увидел офицера, ехавшего рядом с ним на лошади.

— Сомов, — ответил он коротко.

— Сомов? — офицер задумчиво подвигал верхней губой, будто бы стимулируя таким образом мыслительный процесс. — Не слышал о таких.

— О каких «таких»? — поинтересовался Денис. — О Сомовых? Ну, мы, конечно, не Ивановы и Петровы, но все же фамилия довольно распространенная. Слышь, военный, неужели у вас с собой нет ничего попить?

— Где проживаешь? — будто бы и не слышал просьбы Дениса офицер.

— В Губкине.

— В Губкине? Это где ж такое селение?

— Слушай, мужик, — не выдержал Денис. — Ты чо, издеваешься? Вы кто такие, вообще? Реконструкторы-ролевики, что ли? Так я в ваши игры не играю.

Он остановился и обернулся к остальным.

— Ну будьте людьми, блин, дайте попить.

Все остановились и молча глядели на него. Солдаты выжидательно поглядывали на офицера. Тот побледнел лицом и играл желваками, плотно сжав губы. Как смел этот... обозвать его мужиком! Его, потомка хоть и обедневшего, но древнего дворянского рода Стерлиных! И будь этот грубиян хоть княжьего рода, Василий Стерлин непременно вызвал бы его на дуэль, за такое оскорбление. Но что, если этот скоморох из простых людишек? Хорош же он будет, вызвав на дуэль смерда...

— Вы чо, блин, вылупились? Русских слов не понимаете, что ли? — Денис махнул рукой и поплелся дальше по дороге, сказав при этом разрешающим тоном: — Ладно, пошли, чего стоять.

Поддавшись его тону, крестьяне и пешие солдаты двинулись за ним. Даже рыжий тронул было свою кобылу, но, взглянув на офицера, остановился.

— Э-это, как это?

— А вот так это, — ответил ему Стерлин, задумчиво наблюдавший за удалявшимися людьми. — Власть в голосе смердам не присуща.

— А-а-а, вода-а! — Денис кинулся к появившемуся из-за кустов ручью. Наткнувшись взглядом на родничок, бивший в метре от ручья и вливавшийся в него тонкой струйкой, парень опустился перед ним на колени, оперся руками по краям ямки, из которой бил ключ, и принялся с жадным наслаждением шумно втягивать в себя чистую студеную воду. Пил до тех пор, пока не заломило от холода зубы.

— Фу-ух, — откинулся он на траву. — Зашибись! Сразу полегчало.

Поднялся на четвереньки, да так и подошел к ручью, набрал пригоршню воды и плеснул в лицо.

— А-а, кайф! — оповестил окрестности о своем блаженстве. Затем, фыркая и постанывая от удовольствия, обмыл холодной водой лицо и шею.

Умывшись, огляделся. Остановились явно надолго. Пока он умывался, его спутники собрали дровишки для двух костров и уже устанавливали над ними рогатины. Один из крестьян принес от ручья два наполненных водой котелка. Меньший отдал солдатам, больший водрузил над костром, который собрали мужики. Крестьяне достали из своих

заплечных мешков узелки и принялись развязывать их. Затем каждый подходил к котелку и сыпал в него какую-то крупу из деревянной ложки, попутно посыпав ее щепоткой соли и помешав той же ложкой.

Солдаты кашеварили отдельно. Рыжий поил лошадей. Офицер сидел на деревянном ящике, который до этого был приторочен к седлу кобылы рыжего, и задумчиво смотрел на Дениса.

Тот еще раз попил из родника, снова лег на траву, закинув руки за голову, и вдруг резко сел.

— Ёперный театр! — воскликнул он. — Мне же завтра с вещами в военкомат! Или сегодня надо было? Какой сегодня день? Мужики, какой сегодня день?

— Жаркий, — отозвался белобрысый малый, помешивающий варево в котелке.

— Число какое? — снова спросил Денис.

— В числах мы не разумеем, — отозвался все тот же белобрысый. Остальные лишь кидали на Дениса короткие взгляды, но в разговор не вступали.

— Харэ прикалываться, слышь, — сказал белобрысому несчастный призывник.

— Ась? — не понял тот.

— Пошел ты, — еле слышно шепнул парень.

— Куда? — спросил кашевар, у которого оказался отличный слух.

— Гонять верблюда, — огрызнулся Денис с ударением на последнем слого, после чего встал и отошел метров на десять вниз по ручью.

Ноги в кроссовках вспотели и неприятно зудели. Он скинул обувь, снял носки и зашел по щиколотку в воду, вновь ощутив блаженство. Рядом с ногами колыхался пучок каких-то странных серых водорослей. Присмотревшись, Денис понял, что это не водоросли, а вьюны, присосавшиеся к камню. Рыбы, вероятно, собрались в такую тесную компанию для нереста. Понаблюдав за этим живым пучком, парень отошел еще немного вниз и принялся стирать носки.

— Что за странная обувь у тебя? — раздался за спиной голос неслышно подошедшего офицера.

— Обычные адидасы, — пожал плечами Денис, развешивая носки на ветке ивового куста, — что в них странного?

— А это что? — спросил офицер, указывая на носки.

Сбитый с толку таким вопросом призывник некоторое время молчал, соображая, что ответить.

— Откуда вы такие взялись? — наконец спросил он. Хотел еще добавить, из какого дурдома, но в последний момент сдержался, а то осерчают да отметелят всей толпой.

— Мы-то? — офицер уселся на бережок рядом с Денисом. — Мы из Курского пехотного полка. Сопровождаем новобранцев на цареву службу. А вот откуда тебя занесло такого непонятого? Вроде и не простой человек, однако странный очень.

— На какую еще цареву службу? — перебил его парень.

— Знамо на какую — на военную. Слышал поди, Императрица Ольга шибко повздорила с Европами... Не в Европах ли ныне такую странную одежду носят? — вдруг резко сменил тему офицер, оглядывая одежду непонятого собеседника. — И откуда ты, все ж?

— Из дурдома, — ответил тот и добавил, — судя по тому, что я вижу и слышу.

— Ранее ты другое селение называл, — прищурился собеседник. — Впрочем, это тоже мне неизвестно.

— Да ну? — деланно удивился Денис. — А я-то думал, мы с тобой из одной палаты.

— Откуда?

— Да ладно, не бери в голову, — отмахнулся парень. — Тебя как звать?

— Василий Стерлин, — гордо поднял подбородок тот. — Потомственный дворянин, офицер курского пехотного полка в чине подпоручика.

Денис смотрел на этого подпоручика, и мысли в его голове, окончательно протрезвевшей после холодного умывания, начинали выстраиваться в подобие логической цепочки. С чего все началось? С повестки в армию. Потом появился Димон со своим соцсоревнованием. Утром Димон потащил его в местный филиал какого-то НИИ с уверением, что там брат одной из его девушек отмажет Дениса от армии. Интересно, каким это образом ученый из НИИ собирался его отмазать? После злополучного соцсоревнования Денис помнил далее происходящее лишь отдельными фрагментами или фразами. Вот какой-то неопрятного вида высокий блондин ведет их куда-то по темному коридору. При этом он недовольно бурчит, выговаривая Димону. Кабинет, обставленный приборами, и странное кресло на круглом подиуме. В трезвом виде Денис ни за что не согласился бы сесть на этот электрический стул. Требование выложить из карманов все электронное. Зря он послушался, сейчас у него был бы мобильник и он бы позвонил этому гаду Димке... А что за странный Димкин вопрос, мол, точно ли на пять лет Дениса куда-то отправят? Куда это его собирались отправить? Денис огляделся вокруг. И не отправили ли?

— Так кто ж ты таков? — прервал раздумья голос, пристально разглядывающего его подпоручика.

— Денис Сомов, — ответил парень, подражая поручику. — Потомственный инженер, призывник Губкинского Районного Военкомата в чине рядового.

Офицер молча переваривал услышанное, нервно теребя себя за щегольские усики.

— Слушай, подпоручик, — обратился к нему Денис, — честно говоря, я нихрена не помню, что со мной произошло, и как я сюда попал. Я бы даже сказал, вообще нифига почти не помню свое прошлое. Ты не будешь против, если я задам несколько вопросов, которые, возможно, покажутся тебе странными?

— Наверное, ты родом не из наших мест, ибо говоришь много странных слов, хоть и понятных по смыслу, — задумчиво проговорил подпоручик Василий и кивнул. — Ну, задавай свои вопросы.

Денис сделал глубокий вдох, будто собирался опорожнить полный стакан водки, и задал первый вопрос:

— О какой императрице, поссорившейся с Европой, ты только что говорил?

— Окстись, Дионис! — отпрянул от него подпоручик. — Это сколько ж надо выпить, чтобы запомнить ту, кто правит нами волею Божьей?! Нешто ты не помнишь имя Императрицы Российской Ольги?!

— Мда, — пробормотал Денис. — Ты, Василий, просто не сталкивался с соцсоревнованиями, а то, может, и собственное имя забыл бы.

— С кем не сталкивался?

— С соцсоревнованием, — повторил парень. — Только не спрашивай сейчас, что это такое. Я тебе потом как-нить объясню. Скажи лучше, какой сейчас год?

— Мда, — покачал головой Василий, — видать, лихое это дело, енти соц... соц...

— Не поминай лихо, — прервал его Денис. — Так какой год-то?

— Так знамо какой, семь тысяч двести двадцать первый.

— Фигасе! — присвистнул ошарашенный попаданец.

— Господин поручик, — обратился подошедший солдат. — Каша готова, извольте отобедать.

— Пойдем, Дионис, — позвал Василий, поднимаясь. — Не знаю, к какому кушанью ты привык, но у нас еда хоть и простая солдатская, да зато сытная.

Денис с аппетитом уплел миску пшенной каши, в которой попадались приличные кусочки сала. Правда, запивать пришлось пустым кипятком в прикуску с горбушкой ржаного хлеба. Поблагодарив за еду, он направился к тому месту, где на ветке сохли носки, думая поразмышлять в тени кустов об увиденном и услышанном, а если удастся, то и вздремнуть.

Однако, подождав, пока солдаты и мужики ополоснут в ручье посуду, подпоручик поднял всех в путь. Хоть и собирался он задержаться для расспросов странного человека Диониса, но поддался Гришкиным уговорам перенести это дело на вечер.

— Поспешай, хлопцы, — прикрикивал гарцующий на кобыле рыжий. — Коли до Колодезного не поспеем, будем в чистом поле ночевать.

— Дык, за вотем леском хутор Кузьмы одноногого, — показал на далекую полоску деревьев белобрысый парень, тот, что кашеварил у мужиков. — Там и заночевать есть где. Двор здоровый.

— Ить, ты рано чтой-та на ночлег собрался, — съязвил рыжий. — Может, тута прямо и ляжем ночевать, а? Чего ноги бить-то? Чай, служба подождет, а?

Часа через полтора, миновав редкий лесок, путники действительно увидели несколько обнесенных невысоким частоколом строений. Вокруг частокола расположились прямоугольники огородов, обозначенные жердяными заборчиками. Ручей рядом с хутором был перегороджен земляным валом, благодаря чему образовался небольшой прудик, в котором виднелись белые точки водоплавающих птиц.

— Чой-та за крики там? — произнес Гришка, когда подошли к хутору ближе. — Как будто дерутся.

— Может, перепились и лупцуют друг друга? — предположил подпоручик.

— Не-е, — подал голос белобрысый. — У одноногого с ентим делом строго. Он пьянство на дух не переносит.

От хутора послышался истошный женский визг и тут же резко захлебнулся.

— Никак Матрена кричала? Чегой-то там творится? — тревожно сказал белобрысый. — Может, шибче пойдём, а? Может, там чего неладно?

— Бегом марш! — крикнул подпоручик. — Гришка, за мной!

Стерлин пустил лошадь в галоп, рыжий поскакал за ним. Пешие солдаты и мужики перешли на бег. Отставший Денис пожал плечами и припустил следом. Бежать в кроссовках было легко, и он быстро обогнал мужиков и поравнялся с солдатами, обгонять не стал и затрусил рядом. Так и вбежал за частокол вместе с ними. Увиденное там заставило остановиться.

Сразу за воротами частокола в луже крови лежал чернобородый мужик. Его руки и ноги были раскинуты в стороны, будто бы он улегся загорать. Вместо одной ноги ниже колена деревянный протез. Шея перечеркнута ужасной кровавой раной. Кровь уже почти вся вытекла, обнажив страшную рану. Рядом валялась переломанная надвое рогатина.

У Дениса потемнело в глазах, ноги стали будто ватные, захотелось прилечь, и катись оно все куда подальше. Кто-то толкнул в плечо, чуть не сбив с ног.

— Это ж Кузьма, — раздался над самым ухом голос белобрысого. — Эт кто ж его так-то? Да что ж это тут такое деется-то?

— Ты чо, паря? — кто-то снова толкнул Дениса, и он узнал голос того солдата, что звал их обедать. — Либо первый раз мертвяка увидел?

Снова слышался женский визг. Грохнул выстрел. Денис вдохнул пороховой дым и закашлялся. Пока прокашлялся, вроде и слабость отпустила, и зрение прояснилось. Впереди у сарая белобрысый махал выдернутой откуда-то жердиной перед двумя вооруженными саблями детинами. Те пытались зацепить его клинками, но хорошо высушенная жердина немногим уступала по крепости стали, и мужик с успехом отбивал ею выпады противников.

Солдат рядом уже не было. Лишь несколько мужиков топтались в нерешительности, то ли труся, то ли не зная, кого бить, кого не надо. У крыльца дома лежали еще два тела, мужское и женское. Крови у них видно не было, возможно, они были просто оглушены.

Из— за дальнего сарая выстрелили, и в воздух поднялось белое облачко.

Вдруг дверь избы резко распахнулась, и на крыльцо, толкая перед собой девчущку лет четырнадцати, выскочил низкорослый парень с длинными до плеч грязными, рыжими волосами. Одной рукой он держал девчонку за русую косу, другой приставил к ее горлу огромный нож. Нож, вероятно, был остро заточен, и на нежной девичьей коже уже кровоточило несколько порезов. Девчонка не плакала, не кричала, а лишь смотрела широко раскрытыми, полными ужаса голубыми глазами. Парень на вид был немногим старше своей жертвы, лет шестнадцать, не более. Он затравленно рыскал глазами по сторонам, ища своих подельников.

В это время от сарая раздался хруст. Это белобрысый переломил таки жердину о голову одного из противников, сшибив его на землю. И неизвестно, что так хрустело, то ли переламывающаяся жердина, то ли проламывающийся череп, а может, и все вместе. Однако оставшийся противник тут же полоснул белобрысого по руке. Тот сразу выронил обломок жердины, рукав его рубахи набух от крови.

— Хэк, — услышал Денис, и прямо в лицо занесшему саблю для следующего удара бандиту врезался камень, размером с хороший кулак.

— Я на зайцев и на уток с гольшами ходил, — гордо заявил мужик, так ловко метнувший каменюку.

Меж тем низкорослый уже стащил девчонку с крыльца и, продолжая угрожать ножом, увлек за ближайший угол. Вряд ли полностью осознавая, что делает, бывший офисный работник наклонился к трупу одноногого, поднял остроконечный обломок рогатины и двинулся вслед за ними. Когда заглянул за угол, парень толкал девчонку к следующему углу. Первой мыслью было метнуть дротик ему в спину, но Денис почему-то этого не сделал.

— Эй, — окликнул он малолетнего ублюдка и еле успел отскочить от просвистевшего у самой груди лезвия.

Услышав его оклик, бандит не раздумывая полоснул наотмашь ножом и лишь после этого обернулся. Их взгляды встретились. Денис не увидел во взгляде пацана ничего кроме страха, и это придало ему уверенности. Он так же наотмашь махнул своим копьцом. Малолетний бандит успел отпрянуть, но зато выпустил девчоночью косу. Та отбежала на несколько шагов, потом вдруг присела и зарыдала, прикрыв лицо руками. Засмотревшийся на нее освободитель чуть не поплатился жизнью за свое ротозейство. Лишь в самый последний момент он вскинул копьцо, пытаясь отбить лезвие огромного ножа, однако то все ж чиркнуло по груди. Шустрый противник ухитрился схватить обломок рогатины свободной

рукой и уже тянул его на себя, заноса нож для нового удара. Денис, не сопротивляясь, шагнул навстречу и нанес резкий удар ногой в пах. Бандит на короткое время застыл с отведенной для удара рукой. Затем пальцы разжались и нож выпал на землю. Выпучив глаза, парень медленно присел, ухватившись руками за пах и издав звук спускаемой автомобильной шины. Денис подумал было добавить ему для верности по голове копьём, но тот, посидев секунду, сам завалился на бок и затих.

Что-то теплое текло по животу. Герой посмотрел на свою грудь и увидел набухшую от крови футболку. В глазах снова потемнело. Облокотившись спиной о бревенчатую стену, он опустился на завалинок.

— Дионис, ты чего тут в холодке прохлаждаешься? — крикнул появившийся из-за угла один из солдат. — Глянь, деваха рыдает, утешил бы.

— Я ранен, — голос прозвучал до того жалобно, что он сам чуть не прослезился из сочувствия к себе.

— А ну, дай гляну, — подошедший солдат оттянул край распоротой футболки. — Тю, да разве ж это рана? Вот подпоручика нашего рубанули, так рубанули. Поди и не выживет, бедолага. Эй, деваха, хватит рыдать. Поди вон лучше перевяжи героя. Чай тебя спасал.

Услышав о пустяковости раны, парень приободрился настолько, что его не смущала даже залитая кровью футболка.

— Что, ты говоришь, с подпоручиком? Кто его рубанул?

— Знамо кто, людишки лихие. Подпоручик с Григорием Антипычем погнались за теми, кто на конях был. У подлеска уже догнали. Вдвоем супротив пятерых рубились. Когда я подоспел, двоих супостатов уже спровадили на суд божий. Я третьего из ружья скovyрнул. Тут у нашего командира сабелька-то и сломалась. Покедова он за пистолем тянулся, супостат и рубанул его, да не сверху, а снизу, прямо по лицу. Григорий того супостата тут же и зарубил. Эй, деваха, — закончив рассказ, вновь закричал девчонке солдат, — хватит ныть, кому говорю! Пойдем, Дионис, мужики тебя перевяжут. От этой дуры добра не дождешься.

— А с этим что? — Денис ткнул обломком рогатины в поверженного им разбойника.

— А что с ним? — солдат толкнул сапогом скорчившееся тело. — Вишь, глазья как закатил? Видать, ангелов разглядывает ужо, али бесов. Чем это ты его так, что он руки меж ног зажал?

— Ногою. Я его что, убил? — Не веря в действительность, вчерашний офисный работник с ужасом смотрел на труп, чьи широко открытые глаза взирали куда-то сквозь мир, будто видя вдали нечто удивительное. В одном из них уже копошилась какая-то мелкая букашка.

— Ногою? Силен ты лягаться, Дионис, — хохотнул солдат. — Ну, пошли ужо.

Парень последовал за солдатом. Они вышли из-за избы не с той стороны, куда перед этим зашел Денис, преследуя парня, тащившего за косу девчонку, а с обратной, ближе к сараю, у которого еще несколько минут назад бился с бандитами белобрысый. Бандиты так и лежали на том же месте. Рядом с головой одного из них топталась курица. Она что-то пристально разглядывала в луже крови, склонив голову на бок. Не удовлетворившись визуальным осмотром, курица несколько раз, деловито кудахча, гребанула кровяное месиво лапами, что-то в нем клюнула и снова склонила голову, изучая результаты своей деятельности. В трех шагах от трупов один из мужиков перевязывал тряпками руку белобрысого.

— Ох, да не затягивай так туго, чертяка, — причитал тот. — Это как же я теперь-то? Он же мне жилы до самой кости перерубил. Отсохнет рука-то.

— А неча было лезть с палкой на сабли, — бурчал перевязывающий. — Фимка, вон, каменюку метнул и упокоил лихоимца.

— Дык чего ж он сразу не метал свои каменюки? — продолжал стонать пострадавший.

— А кто знал, в кого метать-то? Это ты местных знаешь.

— То дядька мой был двоюродный, — пояснил белобрысый, глядя в сторону лежавшего у ворот одноногого, и вдруг встрепенулся. — Неушто всю его семью порубали?!

— Деваха там за домом живая, — указал рукой солдат и хлопнул по плечу закончившего перевязку мужика. — Коли лекарить можешь, глянь Диониса. Да только осторожно, бо он лягается смертельно, гы.

Сзади встревожено зашептали мужики. Денис обернулся и увидел, что к ним приближаются Гришка и второй солдат, придерживающие подпоручика, привалившегося к шее шедшей меж ними кобылы. Голова офицера перемотана окровавленными тряпками так, что оставались лишь щели для рта и одного глаза. Руки безвольно свисали вниз.

Подведя лошадь к крыльцу, солдаты во главе с рыжим осторожно сняли своего командира и понесли в дом.

На ночлег остались в хуторе одноногого Кузьмы.

Из семерых членов семьи, проживавшей здесь, в живых остались только Глашка, которой и впрямь оказалось всего четырнадцать лет, и годовалый Фомка, спрятавшийся во время налета за печью. Жена одноногого и старший сын были также зарублены. А вот младший сын и невестка были убиты бескровно и непонятно как, с виду никаких повреждений заметно не было.

Кроме жителей хутора, было еще девять мертвяков. Восемь бандитов, включая смертельно лягнутого Денисом, упокоила команда подпоручика Стерлина. Девятый, с раздробленным затылком, мог быть как гостем хуторян, забитым налетчиками, так и бандюком, приговоренным обороняющимися.

Все мужики, кроме лекаря Нифона, кашевара Николая и раненого белобрысого, которого звали Еремой, до вечера копали могилы и хоронили покойников. К трем уже бывшим на хуторском кладбище крестам прибавилось еще пять. Неопознанного похоронили в стороне. Бандитов закопали в общей яме на опушке леса.

Денис обратил внимание на то, что все бандиты были довольно молодыми парнями. Один из солдат объяснил, что такие шайки в последнее время не редкость. Часто забритые крестьяне сбегают от армейской доли, а так как путь в родные села им заказан, то и сбиваются в шайки, промышляющие на дорогах да грабящие маленькие поселения. Обычно, как только появляются вести о подобной шайке, тут же снаряжается карательный отряд, который быстро расправляется с преступниками. Но, все же, частенько они успевают натворить бед, как в этот раз.

Нифон — парень лет двадцати, малость соображающий в лекарском деле, заварил в котелке тысячелистник с ромашкой. Обработал этим отваром раны Денису и Ереме, заново их перебинтовал. К подпоручику его не допускал Гришка, ухаживавший за командиром самолично. У Дениса рана и впрямь оказалась пустяковой, всего лишь глубокая царапина. А вот белобрысый, по уверению Нифона, отвоевался.

— Вот жешь горе-то какое, — сокрушался Ерема. — Это ж теперича заместо меня от

нашей деревни другого заберут.

— Дык и радуйся, — отозвался лекарь. — Рука она еще и зажить может, а вот на войне б убили, ужо не ожил бы.

— Да как же радоваться-то? — продолжил сокрушаться парень. — Коли заместо меня другова заберут? У нас жеш акромья меня почитай все женатые да с детками малыми.

— А может, и не забреют ужо никого, — предположил Нифон. — Ты ж вроде как на войне пострадавший. Вот до следующего набора и не тронут вашу деревеньку.

— Неа, — вмешался в разговор сидевший на порожках крыльца солдат. — В часть не прибыл, в списки не зачислен, на довольствие не поставлен, значит, и не было тебя в армии.

Ерема в ответ на слова солдата лишь тяжело вздохнул. Нифон промолчал.

Денис, сидевший на широкой скамейке, врытой в землю под окошком, перебирал в уме события этого дня и никак не мог поверить в происходящее. Неужели этот чахлый монстр из НИИ, поглощающий неразбавленный спирт, изобрел машину времени? Даже если предположить, что это так, то нафига было без предупреждения забрасывать в какие-то древние века? Его же в первый день чуть не убили! Да лучше бы он отслужил этот чертов год в армии. А теперь что? Надолго он сюда попал? Димон с этим Сэмом вроде о каких-то пяти годах говорили? Ну нифига себе! Отмазали от армии, блин...

Утром поднялись чуть свет. Подпоручика уложили в телегу, позаимствованную в осиротевшем хуторе. Забрали и четырех лошадей, оставшихся от бандитов. Одну запрягли в телегу, по одной досталось каждому солдату, четвертую вместе с лошастью подпоручика привязали к телеге.

Белобрысому Гришка велел оставаться, мотивировав тем, что калеки в армии не нужны.

— Дык, может, меня тамошние лекари подлечат, а? — не желал так просто оставаться Ерема.

— Ага, — кивнул рыжий, — подлечат. У наших лекарей для таких ран одно лекарство — пила. Отчекрыжат по самое плечо, шкуру шнурочком перевяжут и все одно домой отправят.

— Не-е, — замотал головой парень, — так-то мне не надоть.

— Вот и оставайся, — назидательно проговорил Гришка. — Девку с мальцом к родне определи. Сам со своей рукой к какой-нить знахарке покажись, пока не отсохла али огневица не одолела. Опять же, попа надобно на могилки позвать. Негоже добрым людям без отпевания лежать. В общем, сам сообразишь. А нам поспешать надоть, господина подпоручика к лекарям скорее доставить.

Когда отошли от хутора на пару километров, рыжий подъехал к Денису и, спрыгнув с лошади, пошел рядом.

— Ты, значит, с нами решил пойти? — спросил он.

— Ну, да, — ответил тот, и только тут сообразил, что вполне мог остаться с белобрысым на хуторе вместо того, чтобы бить ноги неизвестно куда и неизвестно зачем. Впрочем, куда известно. Солдаты сопровождали новобранцев в армию. Сказано же, от судьбы не убежишь. Вот и Денис, получается, не убежал. Он вдруг, неожиданно для самого себя, добавил. — Вместо Еремы, от его деревни буду.

Рыжий пристально посмотрел на него.

— Так ты простого рода?

— В каком смысле? — не понял парень.

— Не похож ты на крестьянина, — заявил ему Григорий. — Станный ты человек, непонятный. А я не люблю, когда непонятно.

— Что тебе непонятно-то? — спросил Денис.

— Непонятно мне, как с тобой обращаться, то ли как с мужиком, то ли как благородным человеком. Вот и господину подпоручику непонятно было.

— А ты обращайся со мной, как с благородным мужиком.

— Вот я и говорю, непонятный ты человек, — повторил Гришка и вскочил в седло.

Некоторое время двигались молча. Слышно было только шарканье ног, цокот копыт по сухой дорожной земле да скрип тележных колес. Изредка постанывал раненый офицер. Даже крестьяне почему-то не переговаривались меж собой. Наверное, думали о покинутых родных деревнях, о предстоящей нелегкой солдатской доле, о том, когда вернутся, и вернутся ли вообще.

Гришка остановил лошадь и поднес ладонь ко лбу, заслоняя ею от глаз солнечные лучи.

— Я, Григорий Антипыч, уже давненько приметил, будто пыльное облако клубится, — в ответ на его действия сказал один из солдат. — Теперь уже ясно видно, ктой-то скачет

навстречу.

— Чего ж молчал, коли глазастый такой? — недовольно пробурчал рыжий.

— Дык, мало ли кто энто, — виновато пожал плечами солдат. — Дорога-то езжанная, да и люди кругом живут.

— Чай видали вчерась людей, — проговорил Григорий, продолжая всматриваться в даль. — Вона теперича господина подпоручика живым довести бы. А ну-ка, ружьишки наготове держите.

— То, похоже, служивые люди, — подал голос второй солдат, так же всматривавшийся в приближающихся всадников. — Ага, вроде казаки. Четверо их.

— Ды теперь и я вижу, что четверо, — Гришка опустил от глаз руку, застегнул верхнюю пуговицу мундира, поправил ножны с шашкой и, приосанившись, выехал вперед колонны.

— Дионис, — крикнул он, обернувшись, — ты средь мужиков затрись, не свети своей чудной одежкой перед казаками. Че ж ты не догадался на хуторе людскую одежду подобрать? Эх...

Мужики расступились, принимая Дениса в свое окружение.

— Кто он такой, этот Гришка? — спросил парень у чернявого мужика, вечно ковыряющегося в носу.

— Чай не Гришка, а Григорий Антипыч, али господин старшина по воинскому званию, — укоризненно покачал головой тот, не вынимая палец из носа.

— Ясно, — пробормотал Денис, глядя на приближающихся всадников.

Перевязанная импровизированными бинтами, нарезанными из какого-то тряпья, найденного на хуторе, грудь нестерпимо чесалась. Парень непроизвольно почесывал повязку и кожу вокруг нее, но это не помогало.

— То хорошо, что зудит, — заверил Нифон, когда попаданец пожаловался ему, — заживает, значит.

— Ды чему там заживать-то? Царапина ить, — вставил реплику чернявый, после чего резко дернул что-то пальцами из носа и, выставив их перед собой, принялся с интересом изучать зажатый в них черный волосок.

— Никак мозг выдернул? — не удержался от подначки Денис.

Несколько мужиков, видевших ситуацию, заржали было, но сразу же умолкли, ибо подъехали казаки. Сдерживая разгоряченных лошадей, те объехали кругом новобранцев. Одеты они были в нечто среднее между гимнастеркой и короткой черкесской. На головах фуражки с белым верхом, красным околышем и маленьким белым козырьком. У каждого на боку болтались ножны с саблями. У троих к луке седла прицеплены такие же, как и у сопровождавших рекрутов солдат, ружья. Казак с пышными буденовскими усами, что был без ружья и с красными погонами на плечах, заглянул в повозку, потом перевел взгляд на Гришку, вычислив в нем старшего.

— Какого полка будете, и что с подпоручиком?

— Курского пехотного полка, господин есаул. Сопровождаем рекрутов на государеву службу, — бодро отрапортовал рыжий старшина, после чего поведал о вчерашнем приключении, в котором пострадал Стерлин.

— От жешь сучье вымя, — посетовал есаул, — мало вражины со всех сторон прут, так еще эти дезертиры свой же народ режут. Откель такая лютость в человеках взялась. А вы поспешайте, везите господина подпоручика к лекарям. Да и новобранцев скорее ведите. Нам теперь еще и с турком воевать, а их еще обучить надо.

И казаки помчали дальше, оставив в пыльном облаке оторопело глядящих им в след мужиков.

— Это как это еще и с турком воевать? — возмущенно, будто решительно не соглашаясь с подобной ситуацией, произнес чернявый.

Ему никто не ответил.

— А ну, пошевеливайся! — вывел всех из оцепенения громким окриком старшина. — Чего встали, рты раззявили?! А ну, вперед марш! Шире шаг!

Снова заскрипели колеса телеги, и нестройно зашаркали по пыльной дороге лапти. Денис шел вместе со всеми, усиленно желая наконец проснуться и загоняя в глубь сознания понимание того, что все это реально и не является сном или бредом.

За ближайшим пригорком, оцетинившимся редким леском, показалась довольно большая деревня.

— Колодезное, — прокомментировал один из солдат.

Деревню прошли не останавливаясь. Денис разглядывал крытые соломой хаты, резные наличники на маленьких окнах, невысокие плетеные заборчики и никак не мог упорядочить роящиеся в голове сумбурные мысли. Гомонящая босоногая детвора облепила отряд со всех сторон. Они наперебой что-то спрашивали, о чем-то рассказывали. Какая-то дородная тетка поднесла мужикам кувшин молока. Те пили на ходу, передавая кувшин друг другу. Тетка шла рядом с телегой, причитая над забинтованным подпоручиком. Кроме нее взрослых видно не было. Вероятно, все были в полях или в огородах. А может, и прятались от греха подалее. Кто знает, что на уме у этих проезжих вояк? Еще заберут кормильца в армию.

Старшина ехал молча, как будто и не было вокруг деревни с ее жителями, а по-прежнему тянулись поля да подлески. Солдаты ехали так же молча, хоть и подмигивали изредка детворе, и позволяли пацанам идти рядом, держась за стремя.

Перед околицей к дороге вышел высокий худой старик, опирающийся на кривую палку.

— Так шось, братцы, правду кажут, шо османы на нас поперли? — спросил он, когда отряд поравнялся с ним.

Он так и остался стоять, не дождавшись ответа и глядя вслед удаляющимся рекрутам. Да и что они могли ему ответить? Детвора на околице отстала. Когда отошли от деревни на приличное расстояние, Денис оглянулся и увидел все еще стоящего у крайнего плетня высокого старика, окруженного маленькими фигурками детей.

Двигались весь день почти без остановок. Лишь раз напоили коней у ручья да сами перекусили сухарями, запив их водой.

По дороге Денис обдумывал свое положение. То, что он попал, и попал конкретно, было ясно. Не ясно было, куда он попал. Вернее, в какое время. Эх, жаль, что с подпоручиком беда случилась. Надо было раньше выпросить у него подробнее. Да кто ж знал, что все это на самом деле. Расспрашивать старшину, относящегося к нему с подозрением, парень не решался. Мужики на наводящие вопросы ничего толком не отвечали. Подпоручик говорил, что сейчас семь тысяч двести какой-то год от сотворения мира. Это какой же тогда от рождества Христова? Какая там разница, тыщ в пять, или больше? Вот не был Денис знатоком в этих вопросах. Помнил только, что на христианское летоисчисление перешли при Петре Первом. Значит, еще допетровские времена. Кто такая императрица Ольга? Он даже и не слышал о такой. А война с Европой? Как ни пытался навести на разговор о государстве, с которым воевала Россия, ничего понять не мог. Мужики упорно твердили о Европе, будто бы

существовало государство с именно таким названием. А слухи о нападении османов, то бишь турок? Так, стоп! А форма солдат и казаков? Взять хотя бы их фуражки. Разве такие были в допетровские времена? Такая форма более присуща веку девятнадцатому. Но какая тогда императрица Ольга? Денис, конечно, не силен в истории, но не до такой же степени. Опять же, если взять войну с Наполеоном, которая вполне могла сойти за войну с Европой, ибо вся Европа была под этим французским императором, то снова ничего не сходится. Он не помнил, кто тогда сидел на Российском престоле, но абсолютно точно знал, что это был именно император, а не императрица. Так что Ольга опять не вписывалась. И с турками тогда не воевали. И фуражки, опять же, гораздо позже появились. Эх, как хорошо сейчас было бы служить в родной Российской армии двадцать первого века, где все ясно и понятно. Всего лишь один жалкий год...

Уже в сумерках вышли к реке и двинулись вниз по течению, вдоль пологого берега. На вопрос Дениса о названии реки, один из солдат сказал, что это Оскол. И пояснил, что им осталось пройти совсем немного. Надо лишь спуститься к броду, переправиться, и, если ничего не приключится, к полуночи должны дойти до расположения полка.

— Кабы не телега, да не ранение господина подпоручика, можно было б и раньше переправиться, — продолжал объяснять солдат, но вдруг привстал на стременах и пристально всмотрелся вдаль. — Кажись, кой-то у брода на ночевку встал. Вона в кустах всполохи от костра отражаются.

— Кто бы то мог быть? — тоже привстал, вглядываясь в сгущающиеся сумерки, старшина. — Ну-кась, держите-ка ружьишки наготове.

Темнело быстро, и теперь уже все ясно видели, что впереди горит не один костер, а как минимум два. У костров поднялись несколько неясных фигур, которые застыли, явно тоже всматриваясь в приближающихся путников.

— А ну, стой, ребя, — скомандовал старшина и, спешившись, добавил: — Погодьте тут пока.

Солдаты тоже спешили и взяли ружья наизготовку, напряженно замерев и глядя вслед своему командиру. Тот уже скрылся в совсем сгустившейся тьме, слышны были лишь его шаги. Старшина шагал нарочито громко, хрустя попадающимися под ноги сухими ветками и шаркая по утопанной земле. Вот его фигура проявилась в свете костров. Послышался окрик. Старшина что-то ответил. Завязался недолгий разговор, но разобрать о чем говорят, с такого расстояния было невозможно. Вот Григорий повысил голос, было ясно, что он ругается. Солдаты напряглись. Напряжение чувствовалось и среди мужиков. После вчерашнего происшествия казалось, будто кругом теперь можно встретить банды дезертиров. Однако старшина, закончив ругаться, повернулся в их сторону, громко свистнул и призывно замахал рукой.

— Давай сюда, хлопцы! — донесся до них его голос.

Денис шумно выдохнул, сообразив, что задерживал дыхание все время, пока рыжий общался с неизвестными.

Как оказалось, у брода расположился на ночевку обоз интендантского хозяйства Курского пехотного полка. Вскоре выяснилась и причина недовольной ругани старшины. Обозники, подтвердив, что с юга на Россию напали османы, рассказали, что Курский пехотный полк срочно снялся со своего летнего лагеря и отправился в Масловский сборный пункт за пополнением. И как оказалось, команда старшины разминулась с полком еще где-то утром. Если бы они не шли напрямую, а свернули к реке, то наверняка увидели бы

движущуюся по противоположному берегу колонну. Вот узнав об этом, и сокрушался Григорий, костеря невесть кого за свое невезение. Это ж они целый день двигались в разных с полком направлениях. Теперь не менее двух суток уйдет на то, чтобы догнать. Полк же уже завтра должен прибыть к сборному пункту, и если доформирование пройдет быстро, то на следующий день может отправиться дальше.

Встреченный обоз отвозил на зимние квартиры ненужное в походе полковое барахло, ибо летний лагерь был разобран полностью. На его месте осталось лишь вытопанное поле.

Но были и положительные моменты от встречи с обозом. С ним ехал один из полковых лекарей. Он должен был получить медикаменты и догнать полк. Ему сразу сдали под опеку раненного подпоручика. И теперь лекарь что-то колдовал над ним, в свете натыканных вокруг телеги факелов.

Другим положительным моментом было то, что здесь присутствовала целая телега с солдатским обмундированием. Правда, обозный старшина долго спорил с Григорием, доказывая, что он не имеет права раздавать полковое добро кому попало, тем более что эти кто попало даже не поставлены на полковое довольствие. При упоминании о довольствии Григорий с невозмутимым видом сказал обознику, что тому еще придется поделиться продовольствием.

— Побойся Бога, Григорий, — замахал руками тот, — продовольствие с полком ушло.

— И что ж теперь, нам голодом полк догонять?

Каким образом старшине рекрутов удалось уговорить обозного старшину, неизвестно, но после ужина он подозвал двух мужиков, и те вернулись с охапкой обмундирования. После недолгой примерки несколько комплектов пришлось поменять на другие размеры.

— Ну вот, — одобрительно кивнул старшина, окинув взглядом выстроившихся в свете костра новобранцев, — теперича вы на человекoв похожи. Особенно ты, Дионис. Вот поутру еще обувку получите.

— А картузы? — встрял с вопросом чернявый.

— Нету в обозе фуражек, — развел руками Григорий. — Вот полк догоним, тады и на довольствие оформитесь, и обмундирование полностью получите.

Вторая ночь в этом странном мире прошла так же, как и первая, быстро и без снов. Казалось бы, только что пристроил голову на свернутых джинсах, как тут же бесцеремонно растолкали, и попаданец поднялся, сонно шурясь от резавших глаза солнечных лучей, пробивавшихся сквозь ивовые ветви.

Вокруг царила деловая суeta. Было такое ощущение, будто все, кроме него, давно уже на ногах. Новобранцы разбирали кучу солдатских сапог. Денис хотел было спуститься к реке умыться, но решил сперва тоже подобрать себе подходящую обувь. Тут-то он и столкнулся с проблемой. Надевать сапоги нужно было на портянки, эти полоски серой ткани также выдали новобранцам. Вот только как их наматывать, парень не имел ни малейшего понятия. Он пытался подсмотреть у других, но бывшие крестьяне проделывали это так лихо и быстро, что Денис ничего не успевал рассмотреть. В конце концов отозвал в сторону Нифона и наплел ему что-то про то, что в тех краях, откуда он родом, портянками отродясь не пользуются. Нифон ничуть не удивился и терпеливо растолковал все премудрости этого дела. С горем пополам освоив немудреную науку, Денис натянул высокие, под самое колено, сапоги, неожиданно пришедшиеся ему впору.

Подтянув поясные шнурки на штанах и застегнув китель на все пуговицы, вчерашний офисный работник сразу почувствовал себя как-то более значимо. Все-таки военная форма придает человеку некую уверенность. Мужики тоже гордо вышагивали друг перед другом, и не узнать было вчерашних деревенских увальней. Попаданцу, глядя на них, казалось, что кто-либо сейчас обязательно эдак важно произнесет что-нибудь типа: «господа офицеры».

Пока завтракали, интендантский обоз отправился своей дорогой. Увезли они с собой и раненого подпоручика. Единственное, что сказал лекарь, закончив вчера возиться с его раной, было, — я не удивлюсь, если господин подпоручик выживет.

Проводив обоз, старшина принялся поторапливать новобранцев. Их облачение в воинскую форму, наверное, повлияло и на него. Он орал теперь, как настоящий армейский старшина на настоящих несмышленных новобранцев.

— А ну, пошевеливайтесь! Ить, тележитесь, аки бабы беременные, — орал он, взобравшись в седло и взирая на засуетившихся мужиков сверху. — Вы теперича славные воины Государства Российского, а не татарва неорганизованная.

Мужики суетливо собирали свои заплечные мешки, запихивая в них снятые гражданские шмотки.

Денис растерянно смотрел на свою бывшую одежду. Мешка у него не было, а расставаться с частицей потерянного мира не хотелось. В конце концов сложил кроссовки и джинсы в ветровку. Шнурками от тех же кроссовок связал ворот и подол, и получилось подобие сумки с застежкой на молнии. Связанные друг с другом рукава вполне сошли за наплечный ремень. С удовлетворением осмотрев получившуюся сумку, перекинул рукав-ремень через плечо и присоединился к толпе мужиков, пытающихся изобразить некое подобие строя. Оценив свой рост, а был он повыше остальных, прошел на правый фланг.

— По ранжиру становись! — шутливо крикнул Денис, вспомнив школьные занятия по ОБЖ.

— Ась? — спросил в наступившей тишине чернявый.

Попаданец сперва даже не сообразил, отчего вдруг стало так тихо. Но потом до него дошло, что это всего лишь перестал орать старшина. Рыжий, подняв брови, с удивлением взирал на него. И неизвестно, чего в его взгляде было больше, удивления или подозрительности. Солдаты, которые, навьючив походным скарбом свободную лошадь, подключились было к наведению порядка в строю, тоже смотрели на Дениса с интересом.

— Вась, — слегка смутившись, ответил он в рифму, на «ась» чернявого. — Тебе, коротышке, место в конце строя, на левом фланге.

— Чевой-та в конце-то? — возмутился тот.

— Товой-та, что ростом не вышел, — подтолкнул чернявого один из солдат. — А ну геть куда сказали!

Старшина так больше и не орал. Солдаты расставили новобранцев и погнали гуськом к броду. Оказавшись на другом берегу, двинулись вверх по течению. К обеду вышли к месту, где в дорогу, тянущуюся вдоль берега, вливалась другая с запада. Здесь отчетливо были видны следы прохождения большой колонны. Поля по обочине были вытоптаны метров на пять. Не останавливаясь, прошли еще несколько километров.

— Коли на Масловку идем, — подал голос один из рекрутов, тот что метко мог метать каменюки, — то вот по этому своротку ближе будет.

Старшина с недоверием посмотрел на заросшую бурьяном тропу.

— Чего ж тогда дорога-то такая не ежжанная? — спросил он советчика.

— Дык, она по оврагам да по подлескам идет. С телегами только до Новоселовки можно, а далее никак. Но мы-то пройдем запросто. Гдей-то верст за пять до Масловки на тракт выйдем.

— А в ентой Новоселовке сидят безвылазно, коли дорога вон заросла вся? — не унимался старшина.

— Ды то хутор был в два двора. У прошлом годе погорели они, да и не стали отстраиваться. Ушли к родне в Масловку, — пояснил мужик.

— Чего ж не стали отстраиваться-то? Ить, вишь, всех в города тянет. Так и на земле никого не останется, — проворчал Григорий. — Ну, коли говоришь, пройдем, тогда сворачиваем. Нам все ж поспешать надоть.

Вскоре засеянные поля кончились, и потянулась обычная степь, местами пересеченная оврагами да редколесьем. К полудню дошли до Новоселовки. Вернее, до того, что от этого хутора осталось. А остался лишь колодезный сруб да черные пригорки пепелищ на месте бывших построек, кое-где уже поросших свежей зеленью. Один такой пригорок венчал выбеленный дождями и солнцем лошадиный череп. В одной из глазниц жутковато желтел цветок одуванчика.

— И примешь ты смерть от коня своего, — глядя на череп, продекламировал попаданец.

— Ктой-та? — тут же спросил, ехавший рядом солдат. Этот солдат как-то всегда оказывался рядом с ним. И тогда, за избой, когда Денис чудом разделался с юным бандитом. И обмундирование помогал ему выбрать. И чернявого спровадил в конец строя. Звали солдата Михаилом. Был он приземист, но широк в кости. В глазах вечно играла смешливая искорка.

— Был такой князь в древние века, Олегом его звали, — пояснил Денис. — Ему один вещун и напороочил, что примет он смерть от коня своего.

— И што? — потребовал дальнейшего разъяснения Михаил.

Остальные тоже внимательно прислушались.

— А то, что когда конь Олега отбросил копыта, тот встал ногой на его череп, — рассказчик для наглядности кивнул на лошадиный череп, взирающий на путников желтым одуванчиковым зрачком, — из глазницы вылезла змея и ужалила его в ногу.

— Вот жешь, накаркал вещун, — покачал головой солдат. — А что это за болезнь такая у евонной лошади приключилась? Видывал я, как от какой-то напасти у скотины шерсть осыпается. А вот чтобы копыта отлетали...

Денис в ответ только пожал плечами.

Тут же, прямо у колодца и остановились на обед. Но долго расслабляться старшина не дал. Наспех поглотали горячую кашу, запили колодезной водичкой и двинулись дальше. За хутором путь пересекал большой овраг с довольно крутыми склонами. Северный склон, к которому вышли путники, порос редкой травой и обильно зиял меловыми проплешинами. Противоположный склон наоборот, густо зарос подлеском, будто кто специально засадил его деревьями. Дорога, бывшая и так не широкой, теперь и вовсе превратилась в еле заметную тропу. И правду говорил камнеметатель Фимка, на телегах тут не проехать. Какие уж тут телеги, когда даже всадникам пришлось спешиться из-за боязни сверзиться с оскользнувшейся лошади, настолько крутой был спуск. Повезло еще, что погода стояла сухая. В дождь по этому меловому склону спускаться можно было разве что, скользя на заднице или катясь кубарем. Лошади по-любому переломали бы ноги.

Кое-как спустились вниз и остановились перед сплошной стеной густых зарослей. Молодые дубки и клены росли чуть ли не ствол к стволу. К тому же, все свободное пространство меж деревьями занимали кусты шиповника и лещины. Тропка наверх все же имелась, но как-то сомнительно было, что по этому узкому зеленому коридорчику смогут протиснуться лошади. Григорий многообещающе посмотрел на Фимку.

— У прошлом годе тропа пошире была, — тут же поспешно оправдался тот.

— Стороной обойти далеко будет? — спросил старшина.

— Мы в Масловку завсегда здесь ходили, — пожал плечами Фимка.

— Григорий Антипыч, давайте я со своей кобылкой попробую протиснуться? — подал голос Михаил. — Тут главное, чтобы у нее родимой бока меж стволов прошли. А то, может какой дубок срубить, дык не велика работа. Все лучшее, нежели обход искать.

— Давай, Михаил, — одобрил предложение старшина. — Токма, ежели что, топор об дубки тупить не будем. Пусть вона этот зубами перегрызает, чтобы знал впредь, как короткие пути указывать.

— Дык, я же как быстрее хотел, — обиженным тоном прогудел Фимка.

Михаил, меж тем, взял лошадь под уздцы и повел ее вверх по узкой тропе. Пройдя несколько метров вверх, они свернули вправо и пропали из вида. Лишь слышен был шорох ветвей, да треск попавших под ноги сучьев.

Вернулся солдат без лошади, привязал ее наверху.

— Пройти можно, Григорий Антипыч. Вначале только чуток крутовато, а потом ниче так, — сообщил он старшине. — Раза вьючную кобылку освободить от поклажи, бо есть несколько мест, где узковато.

Так и сделали. Старшина поначалу бурчал, чтобы кобылкину поклажу взвалили на Фимку, коли завел их в эдакую препону, но, когда мужики разобрали поклажу поровну, возражать не стал.

Далее подобные преграды больше не попадались. Приходилось несколько раз пересекать овражки и лога, но их склоны были пологими и не поросшими такими густыми

зарослями.

Еще до полудня следующего дня, миновав очередной лесок, вышли к широкой укатанной дороге. А, поднявшись по ней на взгорок, увидели довольно большое селение, расположившееся по берегу реки. По окраине селения курились черным дымом несколько труб, отмечая места различного производства. В центре возвышался сверкающий позолотой церковный купол.

— Масловка, — произнесли сразу несколько голосов.

— Нешто мы и правда полк опередили? — озадаченно произнес старшина, глядя ниже по течению реки, туда где стояло какое-то длинное деревянное строение.

— Ну дык, — с гордым видом «дыкнул» Фимка, мол, вот так-то, а ты еще наезжал на меня.

— Штой-то подозрительно мне это, — не обращая внимания на Фимкин голос, сам с собой разговаривал Григорий. Еще раз окинув взглядом берег, он скомандовал: — А ну, шире шаг!

Не доходя до окраинных домов отряд свернул на дорогу, ведущую к длинному строению, что ниже по реке. Из него вышел какой-то человек и, закрывшись ладонью от солнца, смотрел на путников. По одежде в нем угадывался военный, и скорее всего офицер, что и подтвердилось при более близком рассмотрении.

— Подпоручик кажись, — прищурился, всматриваясь во встречающего их офицера старшина, — Да штой-то молод больно.

Тот и в самом деле выглядел лет на шестнадцать, и если бы не форма, никоим образом не походил бы на военного человека. Отсутствие головного убора, беспорядочно растрепанные русые вихры и, самое главное, зажатая левой рукой подмышкой толстая книга, делали его похожим на студента-ботаника. Не хватало лишь круглых очков на переносице.

Не доехав десятка метров до юного офицера, старшина с солдатами спешили. Скомандовав стоять и так уже остановившимся новобранцам, Григорий отдал повод одному из солдат и отправился к офицеру. Шел он хоть и не строевым шагом, но то ли осанка, то ли сама походка придавали его движениям особую воинскую статью. Подойдя и коротко приложив руку к фуражке, старшина доложил о цели прибытия.

— Но позвольте, старшина, — на лице юноши проявилось крайнее удивление, — как же вы разминувшись с полком, ежели двигались ему навстречу?

От изумления старшина лишь приоткрыл рот и, не найдя что ответить, обернулся к своей команде, словно ища разъяснения. При этом, его взгляд, вычленив Фимку, из растерянного превратился в жесткий и почти материально осязаемый. Фимка непроизвольно отступил за спину Дениса.

Как оказалось, собранное на скорую руку пополнение в первый же день вместе с обозом срочно отправили навстречу полку. Они должны были встретиться где-то на полпути и развернуться в обратном направлении, навстречу наступающей армии османов. Казачьи полки, расположенные на пограничном рубеже, не ожидали вероломного нападения и, будучи не подготовленными к войне, отступали под натиском турок. Вот теперь торопливо подтягивались резервы, которые изначально готовились для западного фронта.

По всем прикидкам получалось, что если бы отряд Григория не свернул на эту

злополучную короткую дорогу, то через несколько часов они бы встретились со своим полком. Мужики сочувственно поглядывали на несчастного Фимку, влезшего тогда со своим советом. Хоть, по сути, он был не виноват, да и дорога действительно сократила путь не менее, чем на половину дня, но все понимали, что старшина скорее всего при первом удобном случае отыграется на новобранце за это досадное недоразумение.

Подпоручик Станислав Кольцов вместе со своими товарищами был досрочно выпущен из военного училища с присвоением офицерского звания, и прикомандирован к Курскому пехотному полку. Прибыв в Масловский сборный пункт, Кольцов, по известной уже причине, не дождался прибытия полка. Капитан, командовавший пополнением, прежде чем выдвинуться на соединение с частью, приказал скороспелому подпоручику оставаться в пункте доформирования еще двое суток, на тот случай, если кто подойдет, после чего догонять полк.

И вот молодой офицер уже вторые сутки изнывал в ожидании. Отойти в город он не решался. Вечно крутившиеся здесь мальчишки, исчезли сразу же, как только призванные на воинскую службу новобранцы и запасники покинули лагерь. Если днем он откровенно скучал, то ночью находиться одному в огромном темном бараке было довольно жутковато. Деревянное строение, остывая от дневной жары, трещало и скрипело. То из одного угла, то из другого постоянно доносился какой-то шорох. На берегу что-то шлепало, будто кто-то выходил из воды. Уснуть Станиславу удалось только утром, когда в оконных проемах забрезжил рассвет, прогнавший все ночные страхи. Проснулся от девичьего смеха и долго не мог понять, где находится. Выйдя из барака, увидел двух девчушек, которые, взявшись за руки, убежали в сторону городка. Солнце уже близилось к зениту. Посетовав про себя, что проспал почти половину дня, подпоручик задумался, не сходить ли в город на армейский склад, чтобы получить положенную ему провизию. Однако, подумав что кашеварить все одно не будет, не пошел. Решил обойтись запасом сухарей.

Вернувшись в барак после умывания в реке, взял сухарик, увесистый том по фортификационным сооружениям, к изучению которого все никак не решался приступить, и снова вышел, собираясь пристроиться где-нибудь под стенкой. Тут-то и заметил приближающийся отряд — трех всадников и с десяток пеших солдат.

Выяснив, кто это такие, подпоручик порадовался в душе тому, что не зря просидел здесь почти двое суток. Пытаясь говорить более низким голосом, казавшимся Станиславу более мужественным и присущим командиру, приказал старшине разместить людей, наказав солдатам провести занятия с новобранцами, а самому отправиться с ним в город на войсковые склады.

— Чой-та больно молод офицерик то, — глядя вслед удаляющимся подпоручику и старшине, произнес Нифон.

— Енто какие такие занятия вы с нами проводить будете? — поинтересовался чернявый у солдат, распрягающих лошадей.

— Ты, Семен, поди лучше за водой сходи, — обернулся к нему Михаил и, кивнув на солнце, сказал: — Вона, обед уже пора готовить. А вот после обеда можно и занятия устроить особо любопытствующим.

— Ды я чо, я ничо, — чернявый ухватил котелки и заторопился к реке.

Денис решил воспользоваться свободной минутой и тоже направился к реке, умыться и

сполоснуть сопревшие в сапогах ноги. Присев у кромки воды, и стягивая сапоги, он ощутил спиною чей-то взгляд.

— Ты, энто, — раздался сзади голос чернявого. — Не по душе ты мне. Отстал бы ты где, што ли.

Обернувшись, попаданец увидел удаляющегося чернявого, несущего в обеих руках по котелку с водой.

— А то что? — крикнул вслед ему. Но тот никак не среагировал, будто и не услышал вопроса.

Зато у Дениса теперь появился очередной повод для размышлений. Мало того, что он попал неизвестно куда и неизвестно каким образом, так тут теперь у него начали появляться недоброжелатели. Вот чем он так не угодил этому чернявому Семену? Не по душе он ему, видите ли.

Надо сказать, что и сам Семен не смог бы объяснить, чем ему так не понравился этот странный человек. Вот не глянулся тот ему, и все. Возможно, Семена раздражало отсутствие в парне раболепия перед властимущами. Что говорить о старшине и солдатах, которые их конвоировали, когда тот разговаривал на равных даже с подпоручиком Стерлиным. Порою даже казалось, что он разговаривает с подпоручиком не просто на равных, а даже как-то снисходительно. И было заметно, что Стерлин в такие моменты терялся, будто действительно признавал авторитет этого Диониса. Привыкший с малых лет гнуть спину перед каждым, кто был значимее его по положению, начиная с деревенского старосты, Семен вскипал тихим негодованием всякий раз, когда видел, как Дионису сходила с рук его наглость. Когда подпоручик получил страшное ранение и за командира остался старшина, Семен ждал, что тот осуществит свое первоначальное желание — прикажет всыпать строптивому Дионису плетей за первую же оплошность. Но, к удивлению и негодованию Семена, Григорий Антипыч не только не оправдал его надежды, но и старался лишней раз не обременять прибившегося новобранца приказами. Семена же на каждом привале обязательно отправляли либо собирать дрова, либо за водой, либо мыть котлы. Вот и сейчас его отправили за водой, а этот Дионис расселся на берегу, будто барин. Сапоги вон стягивает. Небось белы ноженьки омыть желает.

Старшина с подпоручиком появились лишь часа через три. Они приехали в повозке с неким розовощеком толстяком. Следом подъехала телега, на которой сидел пожилой солдат.

Толстяк, важно сойдя с повозки, нацепил на мясистый нос очки с маленькими круглыми стеклами и важно осмотрел выстроенных в шеренгу новобранцев. Офицерский китель на нем сидел как-то не по-военному, и вообще, весь его вид был сугубо гражданский. Денису он чем-то напомнил Пьера Безухова из старого фильма по роману известного классика. Удовлетворившись осмотром, толстяк снова забрался в повозку, достал из деревянного сундука чернильный набор, поставил его на скамейку напротив. Затем извлек откуда-то и раскрыл толстенную книгу. Взяв перо в руки, он глянул в сторону новобранцев взглядом, выражающим ожидание.

— Старшина, командуйте же! Господин младший интендант ждет, — крикнул Кольцов Григорию, вполголоса что-то говорящему солдатам.

— Слушаюсь, господин поручик! — встрепенулся тот. — Дионис, подойди к господину младшему интенданту! Остальные следом!

Денис подошел к повозке и остановился в нерешительности, не зная, что сказать, как

представиться. Младший интендант окинул парня равнодушно-усталым взглядом.

— Имя, фамилия?

— Сомов... Дионис, — представился попаданец почему-то тем именем, которым его здесь называли.

Обмакнув перо в чернильницу, младший интендант заскрипел им по бумаге.

— Год рождения? — спросил он, закончив писать.

Денис задумался. Что сказать? Назвать свой настоящий год рождения?

Однако, толстяк по своему оценил его молчание.

— Э-эх, темнота безграмотная. Ну хоть сколько тебе лет-то знаешь?

— Знаю, — кивнул парень, радуясь тому, что не придется отвечать на предыдущий вопрос. — Двадцать четыре года.

— Ой ли? — пристально взглянул на него младший интендант. — Больно молодо ты выглядишь для таких годов.

— Здоровый образ жизни, — пожал плечами Денис. — Свежий воздух, физкультура, продукты без консервантов и все такое...

По застывшему на нем взгляду попаданец понял, что набуровил лишнего.

— Откуда ж родом такой говорливый? — задал очередной вопрос толстяк, продолжая смотреть на парня.

— Город Губкин, — коротко ответил тот.

— То-то видно, что не из крестьян, — толстяк протер красной бархатной тряпочкой очки и снова взялся за перо. — Город-то чай не город, а городишко. Я о таком и не слыхивал. Какой губернии-то?

Денис хотел было ответить, Белгородской, но, спохватившись, решил состроить дурачка.

— Ды, и не знаю. Просто город, сам по себе.

— Э-эх, — снова протянул младший интендант, — темнота расейская. Ладно, старшина потом доложит, откель выскреб такого... кхм... непонятного. На вот, коли неграмотен, поставь крестик и иди, получай что положено.

Новобранец взял протянутое ему перо, аккуратно макнул его в чернильницу и размашисто расписался в графе, на которую указывал пухлый палец.

— Это... Это кто ж тебя научил такие подписи ставить? — удивленно спросил младший интендант, снова сняв очки и протирая их тряпочкой. — Чай, не министр какой, чтобы так размахивать-то.

— Ды, я это, — Денис постарался сделать лицо как можно глупее. — Я завсегда так в ведомостях на зарплату расписывался.

— Чего? — толстяк задрал брови кверху. Его пальцы, протирая стеклышки очков, задвигались с такой скоростью, что казалось, еще немного, и из под них повалит дым.

— Чего? — попаданец тоже приподнял брови, показывая, что не понял вопроса.

— А ну, пшел вон! Будет тут каждый юродивый мое время отнимать! — Встрепенулся младший интендант, следуя протесту своего сознания, которое не могло воспринять неизвестные ему знания и понятия от какого-то лапотного, пусть и городского, мужика. — Подходи следующий!

Денис отошел от повозки, провожаемый взглядами стоявших за ним сотоварищей. Краем глаза заметил, как старшина что-то тихо говорит подпоручику, с любопытством наблюдавшему за Денисом.

— А ну, погодь! — не дал ему далеко отойти окрик младшего интенданта. — Коли

городской, значит, профессией обладать должен. Какому ремеслу обучен?

— Программист я, — машинально ответил Денис и, видя начавшие в очередной раз запотевать очки, тут же поправился. — То бишь писарь, специализирующийся на технической документации.

— Специализирующийся на технической документации... — повторил за ним толстяк, будто бы пробуя эти слова на вкус. Еще раз окинул взглядом новобранца и махнул рукой. — Ладно, иди уже.

Опрошенные и переписанные младшим интендантом рекруты подходили к повозке, где молчаливый угрюмого вида солдат выдавал причитающийся им скарб. Вместе со всеми попаданец получил солдатский ранец из толстой, двухслойной кожи, солдатскую бескозырку, два комплекта нательного белья, пару портянок. А также котелок, фляжку с деревянной пробкой, кружку, все из меди, и деревянную ложку. Еще им предстояло получить ружья, которые пока занесли в здание.

Кроме того, в повозке были и продукты: сухари, крупы и соль. Их старшина получил лично, все перепроверив, пересчитав и перещупав.

Опустевшая повозка отправилась в город. Младший интендант еще какое-то время беседовал с подпоручиком. Время от времени они поглядывали на странного рекрута, пытающегося уложить в ранце полученные вещи. Наконец подпоручик подозвал Дениса, выкрикнув его фамилию. Когда парень подошел, младший интендант с подпоручиком переглянулись, словно решая, кому говорить.

— Э-э, слушай, Дионис, — начал толстяк. — Утоли наше любопытство, скажи, за какие грехи тебя в армию забрили?

— Забрили? — удивился Денис. — Вы что-то путаете. Я сам в армию пошел, добровольцем. Вместо пораненного в схватке с бандитами Еремы.

— Да, да, старшина мне рассказал о вашем... э-э... вашем появлении, — встрял юный подпоручик, — однако не будешь же ты уверять, что просто так отказался от своей должности, покинул свой город, и все ради того, чтобы пойти на войну простым солдатом? Ты пойми, тебе, возможно, служить под моей командой, а я не хочу иметь в подчинении подозрительных людей. Только поэтому и любопытствую.

Словосочетание «на войну» отозвалось в душе попаданца осознанием жуткой реальности происходящего. На какую нафиг войну?! Вы чо, ребята?! Он же даже в обычную армию двадцать первого века не хотел идти. А вы говорите — «на войну». Да какой из него вояка?! Он же не сможет убивать... не сможет? Память услужливо предложила образ скрючившегося рыжеволосого ублюдка с застывшими выпученными глазами и зажатými меж колен руками. Он уже убил человека. Пусть случайно. Пусть тот этого заслуживал. Но... Но ведь он даже не вспоминал об этом за прошедшие дни, будто произошло нечто обыденное, а если и не обыденное, то и не из ряда вон выходящее...

Ну да ладно, война войной, а начальство ждет ответа на поставленный вопрос. Что же им ответить? Правду? Можно и правду. Частично...

— Понимаешь... те, господин поручик, — начал новобранец, — Как бы это объяснить-то? У нашего босса, ну, типа, барина была дочка... Собственно, дочка-то у него осталась... Только стала женщиной...

Несвязный рассказ прервал громкий хохот младшего интенданта.

— Я нечто подобное и предполагал, — проговорил он отсмеявшись и, хлопнув парня по плечу, забрался в повозку. Взяв вожжи, обратился к подпоручику. — Как разберетесь с

делами, милости просим в гости. Сегодня вы, надо полагать, в дорогу уже не тронетесь.

— Как вы могли? — еле слышно произнес подпоручик. Его лицо покраснело, будто обваренное кипятком.

— Что я мог? — не понял толстяк.

— Я Дионису, — пояснил подпоручик. — Как вы могли, Дионис? Невинная девушка доверилась вам...

— Да бросьте, поручик, — вступился младший интендант, — вы же офицер, а рассуждаете, как семинарист. Вечером я жду вас непременно.

Толстяк подмигнул Денису, снова расхохотался и потянул поводья, разворачивая повозку.

— Сомневаюсь, что получится, — ответил ему подпоручик, но тот вряд ли услышал, ибо уже успел отъехать прилично.

— Идите уже, — отпустил офицер солдата, глядя на него полным укора взглядом.

Послав офицера в душе куда подальше, Денис отправился к своим новым товарищам.

Оставшееся время новобранцы под руководством бывалых солдат Михаила и Тимофея, а так же, под присмотром подпоручика, изучали устройство ружей, способы огневого и штыкового боя. Вместе с ружьями рекруты получили поясные патронташи на шесть патронов и подсумки для боеприпасов, такие же, как у сопровождающих их солдат. Выдали и по паре учебных патронов. Патрон представлял собой запечатанную картонную гильзу примерно двенадцатого калибра, наподобие обычного охотничьего, только без капсюля, и длиной чуть более десяти сантиметров. Денис крутил патрон в руках, пытаясь сообразить, как эта конструкция действует. Так и не смог догадаться, пока Тимофей не объяснил всем принцип действия и не показал наглядно. Патрон заправлялся и досылался в казенную часть ружья при помощи обычного затвора. Для выстрела необходимо было нажать обычную с виду спусковую скобу. Однако скоба приводила в действие двухступенчатый спусковой механизм. Первый щелчок, при нажатии скобы, означал, что острый боек пробил заднюю часть гильзы, и из нее на затравочную полку высыпалась порция пороха. Второй щелчок сливался с сухим скрежетом кремневого колесика, которое выбрасывало в затравочную полку сноп искр. Пустая гильза извлекалась специальным захватом, крепившимся к прикладу сразу под спусковым механизмом. Отдача при выстреле была такая, что Денис первый раз еле устоял на ногах от неожиданно сильного толчка в плечо. Существенным минусом было и то, что пороховое облако после выстрела закрывало обзор. А при стрельбе залпом и вообще получалась целая дымовая завеса. Похоже, бездымный порох здесь еще не изобрели. Эх, щас бы доступ в Интернет... Мда... Четырехгранный штык пристегивался к стволу как вперед острием, так и по походному варианту острием назад. При походном варианте острие вставлялось в специальный колпачок. Рядом со штыком крепился шомпол, имеющий большую деревянную рукоятку с откидной гардой. Если скрутить щетку, то обнажалось острие, и шомпол превращался в короткую шпагу.

После того, как новобранцы выстрелили холостыми патронами поодиночке и залпом, Тимофей объяснил, что патроны бывают с картечью и с пулей. Картечь представляла собой шесть свинцовых горошин диаметром примерно пять миллиметров. Пуля — круглое ядрышко на весь диаметр патрона. У пули была большая убойная сила, у картечи большая площадь поражения. Для демонстрации Тимофей заставил насобирать по берегу различных веток, досок и прочий хлам, из которого выстроили нечто типа групповой мишени. Картечный выстрел снес мишень, разметав ее в щепки, впечатлив наблюдающих

новобранцев.

После краткого курса огневой подготовки, проведенного Тимофеем, за обучение взялся Михаил. Рекруты узнали, как пристегивается штык, как шомпол трансформируется в шпагу, как правильно наносить удары и защищаться, как следует ставить ноги при ударе штыком, и даже как нужно дышать в схватке с противником, чтобы не сбивать дыхание.

Выстроившись в шеренгу вдоль кромки воды, новобранцы неумело выполняли упражнения с ружьем, под команды Михаила.

— Штыком коли! — кричал тот, вышагивая вдоль шеренги. — Прикладом бей! Лицо от рубящего удара сверху защищай!

Рекруты выбрасывали ружье вперед, протыкая штыком невидимого противника, и тут же, разворачивали ружье словно весло, нанося удар прикладом, после чего поднимали оружие кверху, прикрывая им голову.

— Штыком вперед коли! Прикладом назад бей! — продолжал командовать бывалый солдат. — Да резче бить надо! Семен, ты брюхо вражине пропороть собрался, али пощекотать его трокси?

— Дык это, тяжелое ружьишко-то.

— Легко душа в рай отлетает. И упор с ноги на ногу переносить не забывай. А ну, вот я сзади к тебе подхожу, бей меня прикладом, да посильнее!

Чернявый с размаху саданул прикладом назад. Михаил сделал шаг в сторону и дернул за приклад Семенова ружья, придав ему еще большее ускорение. Новобранец не удержался на ногах и плюхнулся в воду, подняв кучу брызг. Рекруты дружно загоготали над незадачливым приятелем.

— А неча ржать! — прикрикнул на них солдат. — Из вас никто толком на ногах стоять не умеет.

— Как же ружьишко-то теперь? — жалобно проговорил мокрый Семен, выливая из ствола воду.

— Не баись, — подал голос, наблюдавший со стороны Тимофей, — в бою ты был бы уже мертвяком, а мертвякам ружья ни к чему. А как его чистить и какие детали смазывать, я вас сейчас научу.

Ужинали уже по темноте. Вымотанные за полдня занятий больше, чем за все время пешего похода, рекруты наскоро поглотали из новых котелков кашу и, зайдя в строение, попадали на нары в обнимку со своими новыми подругами-ружьями. Не прошло и минуты, как в темноте барака слышались храп, сопение и чье-то постанывание.

Денис попытался было поразмышлять на тему, где он и что с ним, но усталость взяла свое, и он провалился в царство Морфея. Ему снился молодой подпоручик, который со слезами на глазах укорял бессовестного попаданца в лишении невинности бедной дочери босса. Она находилась тут же, сидела на песке в каком-то грязном и рваном рубище и по идиотски улыбалась, шурясь на солнышко. Сзади к Денису крался чернявый Семен, принаравливаясь ударить его большим котлом по голове. Спящий будто бы видел это со стороны и никак не мог повернуться, продолжая слушать нытье подпоручика. Чуть поодаль, за офисным столом сидел младший интендант, он что-то выстукивал на клавиатуре, временами прерываясь и с хохотом тыча толстым пальцем в монитор. Попаданцу срочно нужен был компьютер младшего интенданта, чтобы найти в инете технологию изготовления бездымного пороха. Ему жалко было товарищей, которые натужно кашляли, находясь в

облаке дыма. В перерывах между кашлем звучали выстрелы, прибавлявшие дымовую завесу. Дым заволакивал все вокруг. Из него продолжали доноситься выстрелы, гоготание младшего интенданта и нудное нытье подпоручика. Но вот, сквозь дым начали проступать черты какого-то лица. Лицо становилось все четче, и наконец Денис узнал Сэма. Того самого Сэма, который отправил его в этот мир. Парень хотел уже крикнуть этому чертовому ботанику что-нибудь обидное, но тут лицо Сэма сменилось лицом Димона.

— Как поживаешь, чувак? — крикнул тот. — Мы уже думали, что потеряли тебя...

Лицо товарища подернулось рябью, будто отражение в водной поверхности, на которую дунул легкий ветерок. Он еще что-то говорил, но до слуха долетали лишь обрывки фраз.

— ... Сэм нашел ... крыть канал ... ный ... сь чувак... — это все, что удавалось расслышать.

Попаданец понимал, что Димон вот-вот исчезнет, и хотел сказать ему что-то важное, но никак не мог сообразить — что. Это важное постоянно ускользало от него. Когда лицо Димона начало растворяться в дыму, Денис крикнул первое, пришедшее в голову.

— Димон, найди в инете рецептик изготовления бездымного пороха!

Из снова заволокшего все пространство дыма что-то квакнуло. И в это время его сильно толкнули в плечо. Он вспомнил о подкрадывающемся сзади чернявом и резко подскочил...

— Ты чо это орешь, аки кочет на рассвете, а, Дионис? — перед ним стоял улыбающийся Михаил..

— Какой еще рецепт бездымного пороха? — в светлеющем рассветом дверном проеме показалась фигура подпоручика. — Кто здесь так кричит?

— То, господин поручик, Дионису кошмар приснился, — пояснил солдат.

— А бездымный порох? — не унимался офицер

Михаил пожал плечами, предоставив Денису самому объясняться с подпоручиком. Но парень все еще тупо пялился в пространство перед собой, отходя ото сна, показавшегося ему необычайно реалистичным. По крайней мере, на фоне происходящего с ним последние дни.

— Солдат, как там вас, Сомов, кажется? Что вы кричали о бездымном порохе? — уже более требовательно спросил подпоручик.

Денис машинально хотел было послать приставучего офицера подальше, но, взглянув на подошедшего старшину, опомнился.

— Встань, солдат, когда с господином офицером разговариваешь! — рявкнул строгий старшина. — И всем встать! Никак до полудня дрыхнуть надумали?!

— Ды не знаю я, господин поручик, — пожал плечами Денис, видя, что тот все еще не сводит с него любопытного взгляда, — приснилось что-то, я и не помню уже.

Станислав открыл было рот, чтобы что-то сказать непонятному рекруту, но в последний момент передумал и вышел наружу.

После скорого завтрака и недолгих сборов выдвинулись в путь. Михаил с Тимофеем теперь снова шли пешком. Из четырех лошадей две шли под подпоручиком и старшиной, на двух были навьючены продовольствие, и прочий походный скарб.

При первых же шагах новобранцы загремели полученным имуществом, словно обвешанные консервными банками огородные пугала на ветру. Несмотря на то, что такого понятия, как консервная банка, этот мир не знал, подвешенные к солдатским ранцам котелки и фляжки гремели ничуть не хуже.

— Энто что за скомороший тарарам?! — тут же возмутился старшина. — А ну, приладили все как положено. Тимофей, Михаил, чего ж вы не проследили-то?

Остановились и начали поправлять, подвязывать, подтягивать. Денис вообще отвязал фляжку от ранца и приладил ее к ремню. Так сподручней было на ходу утолить жажду.

Идти под грузом солдатского имущества стало заметно тяжелее. Ружье и подсумки под боеприпас, в которые поутру было уложено по две дюжины картечных патронов и по дюжине пулевых, прилично оттягивали плечо. Еще только поднялись на взгорок, с которого открывался вид на городишко, а новобранцы уже взмокли от пота и пыхтели, словно вскипающие чайники.

— Старшина, а поворачивайте на ту дорогу, по которой вы ехали сюда, — скомандовал подпоручик.

— Да то не дорога, господин поручик, а так, тропа, — отозвался Григорий. Ему почему-то не понравилась эта идея. Один раз они уже разминулись с полком, следуя этой короткой

дорогой.

— И ничего что тропа. Мы повозками не обременены, а догнать полк желательно скорее, — ответил старшине подпоручик.

— Как скажете, ваш бродь, — пожал плечами тот.

К леску, за которым был тот самый крутой лог, скрывающий подход к погорелому хутору, подошли уже в сумерках. Из-за малого припаса воды кашу не варили. Поужинали сухарями. Но не лезть же на ночь глядя через лес да через овраг к хутору, где был колодец. На этих склонах и при дневном свете легко было шею свернуть, а уж в потемках-то... Да и новобранцы от непривычной нагрузки еле ноги передвигали. Они, конечно, все были мужики деревенские, привычные сызмальства к тяжелому крестьянскому труду. Но шагать по пересеченной местности целый день, да еще и с непривычной болтающейся поклажей не менее чем в полтора пуда весом, занятие весьма утомительное для любого. К тому же и солнце жарило немилосердно. Хорошо еще, уже под вечер обнаружили родничок в небольшом овражке. Хоть и слабоват был источник, но все ж удалось наполнить фляжки и утолить жажду. По примеру Дениса остальные новобранцы тоже перевязали фляжки на пояс, и теперь частенько прикладывались к ним на ходу. Потому-то через пару часов, когда остановились на ночевку, почти у всех воды оставалось на доньшке.

— Лишь бы гроза ночью не пришла, — озабоченно глянул на небо старшина, — по мокрому мы тот меловой склон с лошадьми не пройдем. А гдей-то, кажись, грохочет.

— И мне единожды показалось, будто гром громыхнул далече, — подтвердил сомнения старшины Нифон.

Так как готовить еду не стали, а ночь была теплая и даже душная, то и костер не разводили. Так и улеглись под деревьями да под кустами, прямо на траву. Не было сил даже наломать веток для постели. Убаюкивающе стрекотали ночные насекомые, меж деревьев мирно фыркали стреноженные лошади, где-то совсем далеко еле слышно кричала какая-то птица.

— Ваш бродь, может, караул выставить? — подал голос из темноты старшина.

— А? Что? Караул? — встрепенулся задремавший было офицерик. — А можно бы и выставить. Да пусть его. Измотались нынче все, пусть отдыхают. Вот как ближе к неприятелю будем, тогда...

Голос подпоручика становился все тише, слова произносились все протяжнее, и, наконец, он затих, окончательно погрузившись в сон. Григорий шумно вздохнул, то ли сетуя на эдакого нерадивого командира, то ли жалея его, еще практически мальчишку.

Уже проваливаясь в сон, Денис будто бы почуял еле заметный запах дыма...

На заре попаданца растолкал Тимофей.

— Собирайтесь быстро, но тихо, — говорил он новобранцам, — и смотрите, чтобы на ходу ничего не бряцало.

Осмотревшись, Денис не заметил ни старшины, ни Михаила. Подпоручик стоял под дубком и напряженно всматривался в сторону оврага.

— Что-то случилось? — шепотом спросил у находящегося рядом Фимки.

— Ночью вроде как дымком потянуло, — начал объяснять тот. — Старшина послал Михаила проверить. Тот впотымах добрался только до склона. Говорит, дым снизу поднимается. И голоса оттуда доносятся. Не наши голоса, не русские. Вот, чуть забрезжило, они со старшиной и пошли разведать, что за тати по ночам в оврагах хоронятся.

Отхлебнув из фляжки глоток неприятно теплой воды, Денис начал собираться, тщательно подгоняя амуницию. Следуя негромкой команде Тимофея, загнал в поясной патронташ картечные патроны и приладил штык на ствол.

— Идут, кажись, — подал голос кто-то из новобранцев.

Меж частыми стволами деревьев мелькала одинокая фигура. То был старшина. Из его объяснений подпоручику следовало, что на дне балки расположились невесть откуда взявшиеся османы числом около дюжины. Впрочем, османов ни Григорий, ни Михаил доселе не видывали, как и не слыхивали их языка, но по красным колпакам на головах предположили, что это были именно они. Оставив Михаила наблюдать за вражинами, Григорий вернулся доложить подпоручику.

Подпоручик, выслушав доклад старшины, впал в ступор. Никак не ожидал он такого скорого контакта с врагом. Казалось, что до фронта еще очень далеко, и находились они в глубоком тылу. А оно вона как повернулось-то.

— Как же такое может быть-то? — удивленно бормотал он. — Как же они сюда прошли?

— Похоже, то не гром вчера мы слышали, а звуки боя, — предположил Тимофей.

— Какого боя? О чем ты, солдат? — запротестовал юный офицер. — До границы с Османской империей, почитай, полтыщи верст. Разве ж могут они так быстро продвигаться? А хоть бы даже и без боев, и то так быстро невозможно.

— То ежели по тракту. Напрямки-то гораздо ближе. Коли без обоза, да малыми отрядами... — рассудил старшина и вернул подпоручика к насущной проблеме: — Так что делать-то будем, вашбродь? — Но, видя растерянность на мальчишеском лице, предложил сам: — Думаю, негоже врага отпускать. Это, скорее всего, их разведка. Надоть тут их всех и положить. А коли удастся кого живьем взять, то и допросить.

— Как же допросить-то? — удивился Тимофей. — Они же турки. Русского языка не понимают.

— Коли разведка, то должны разуметь, — уверенно произнес Григорий. — Ну так как, ваш бродь?

— Я полагаюсь на ваш опыт, старшина. Предлагайте ваш план, — вдруг сказал подпоручик, после чего поджал нижнюю губу, вероятно, пытаясь придать лицу решительный вид.

— Мой план? — переспросил от неожиданности Григорий. — А, ну дык это...

Пока новобранцы заканчивали подгонку амуниции, старшина что-то объяснял подпоручику и Тимофею, сопровождая свои объяснения активной жестикуляцией. Денис прислушался, пытаясь разобраться о чем толкует старшина, но тут у него над ухом раздался хруст, показавшийся невероятно громким даже несмотря на то, что вокруг уже всюду щебетали проснувшиеся птахи. Это Фимка принялся грызть сухарь, перемалывая его крепкими зубами.

— А чо? — среагировал он на выразительный взгляд Дениса, — Оно хоть так, а то, вовсе-то не позавтракавши негоже.

Вот Тимофей отстегнул от ружья штык и сноровисто покрутил его. Григорий что-то еще сказал подпоручику и пошел в направлении лога. Тимофей двинулся следом, оставив ружье и ранец под деревом.

— Та-ак, слушай мою команду! — громким шепотом проговорил подпоручик, и указал на Семена: — Ты, как тебя?

— Стогов Семен, ваш бродь, — вытянулся тот.

— Стогов, останешься здесь. Присмотришь за лошадьми и имуществом. Остальные, снимите ранцы и все лишнее. Оставьте только ружье и боеприпас. Быстро!

Пока снимали только что тщательно подогнанную амуницию, Денис с интересом наблюдал за действиями офицера, вернее, за манипуляциями, которые тот производил со своим пистолетом. Собственно, пистолетом это оружие Денис окрестил лишь потому, что его приклад напоминал рукоятки виденных им старинных дуэльных пистолетов. Ствол же этого пистолета был немногим меньше ружейного. На месте затвора зияла большая дыра, как будто если бы из гигантского револьвера вынули барабан. И надо же, ассоциация оказалась верной. Подпоручик действительно вынул из подсумка огромный барабан и, сняв его шестью патронами, с металлическим щелчком вставил на место. Далее офицер достал из того же подсумка деревянную рукоятку и вкрутил ее в цевье. В итоге у него в руках оказался некий фантастический автомат, а вернее, гигантский кремневый револьвер.

Закончив со сборкой чудного оружия, подпоручик приказал всем зарядить ружья и повел солдат за собой, предварительно предупредив о строжайшем соблюдении тишины. Сам он беззвучно шевелил губами, будто считал шаги. У склона их встретил Григорий. Рыжий чуб был всклокочен, словно некто только что таскал за него старшину. Из неглубокой царапины на левой скуле стекала капелька крови.

— Что случилось? — встревожено прошептал подпоручик.

— Ды все нормально, — так же шепотом ответил старшина. — Когда караул снимали, хотел одного живьем взять, но уж больно бойкий оказался, ити его...

Григорий вытер стекающую по щеке красную каплю наружной стороной ладони, продемонстрировав, взятый обратным хватом окровавленный штык.

— Надо поспешать, — продолжил он, — пока не хватились. Они, похоже, никуда отсель не собираются. То ли ждут кого, то ли еще чего. Окружим басурман да перестреляем.

— Как бы все же узнать-то, чего они тут ждут? — задумчиво произнес подпоручик. — Ну да ладно. Может, удастся кого подранить. Пойдемте уже.

Получив очередное предупреждение не шуметь, рекруты двинулись по тропинке вниз по склону. Впереди шел старшина, за ним подпоручик. Как ни старались двигаться бесшумно, а все ж нет-нет да и наступал кто на сухую ветку, тут же с треском переламывающуюся. Юный офицер оборачивался и, делая юмористически-зверское лицо, грозил кулаком и что-то

беззвучно говорил, будто эстрадный певец, попевший впросак с вырубившейся фонограммой. Денис, шедший сразу за ним, несмотря на напряженность момента, еле сдерживался от смеха, глядя на эту пантомиму.

Вот старшина поднял руку, делая знак остановиться. Сзади кто-то чем-то звякнул, кто-то ойкнул. Подпоручик на этот раз не среагировал. Впереди слышались голоса. Говорили негромко, но и не таясь. Речь была незнакомая и не походила ни на один слышанный ранее Денисом язык. Отчетливо пахло дымом и жареным мясом. От этого запаха у попаданца громко заурчало в животе.

Из кустов бесшумно появился Михаил. В его руках было незнакомое короткое ружье, вероятно, трофейное. Он что-то знаками показал старшине. Тот кивнул, и солдат снова исчез в кустах. Теперь Григорий что-то говорил на ухо подпоручику. Выслушав, тот повернулся к новобранцам.

— Растягиваемся в цепь, продвигаемся как можно ближе и ждем. Стрелять начинаем после того, как поднимется шум.

Денис озадаченно посмотрел на окружающие тропинку заросли. Это как, интересно, здесь можно растянуться в цепь?

— На караченьки и вперед! — прошептал старшина, словно услышав его мысленный вопрос, и толкнул, пригибая к земле: — Дионис налево, Нифон направо, Степан за Дионисом, Ефимий... Давай, давай, шустрее шевелитесь. Да не расползайтесь далеко, шагов на десять в сторону, не более. И чтобы видели друг друга. И тише вы, черти...

Рекруты падали на четвереньки и, следуя друг за другом, расползались по обе стороны, шурша раздвигаемыми кустами. Денис полз, волоча за ремень ружье, то и дело цепляясь им за кусты и деревья. Сзади его тихо окликнули. Пробиравшийся за ним Степан показал, что хватит уже ползти в сторону, пора ползти вниз. Двигаться на четвереньках вниз по крутому склону весьма неудобное занятие, поэтому пришлось опуститься на живот и ползти попластунски. Так гораздо легче огибать частые стволы деревьев. Правда, был риск изодрать новую форму, но, как говорится, на войне как на войне.

К запаху костра и жареного мяса прибавился еще один знакомый, но впервые встреченный в этом мире запах. Запах табака. Только сейчас попаданец подумал о том, что за все проведенное здесь время не встретил ни одного курящего и даже не слышал о курении, сигаретах, папиросах, да и вообще о табаке.

Голоса становились все громче.

— Э-э, нэ замэан олэур? — требовательно проговорил хриплый голос, напоминающий самурайские голоса из японских фильмов.

— Нэ? — явно зевая, вопросом на вопрос ответил ему собеседник. — Анльамьерум.

В ответ хриплый голос разразился такой скороговоркой, что невозможно было разобрать даже отдельные слоги. Ему начали вторить еще несколько голосов.

Денис осторожно раздвинул ветки растущего перед ним кустарника и увидел группу спорящих людей. Они сидели на лужайке, расположившись вокруг костра. Одеты в одинаковые синие мундиры и серые шаровары, заправленные в короткие остроносые сапоги. На головах красные фески с темно-синими хвостиками. Вооружены турки были короткими ружьями, такими, какое Денис видел у Михаила. Ружья они держали при себе, кто-то в руках, кто-то положил на колени. Также у каждого на перевязи висели сабли в ножнах. Все активно жестикулировали, доказывая что-то стоящему у костра длинному турку. Тот ничего не говорил, лишь снисходительно усмехался, сосредоточив внимание на жарившейся косуле

и тыча ее узким ножом.

— Хьаир, — наконец произнес длинный и начал подгрести палкой угли, регулируя жар.

В ответ на эту реплику галдеж усилился. Один турок поднялся и направился в сторону зарослей, за которыми притаились русские солдаты. Кто-то из товарищей что-то крикнул ему.

— Гидьишь денэюшь, — ответил тот, развязывая пояс на шароварах.

Направлялся он в то место, где со склона спускалась тропинка. Еще несколько шагов, и турок скрылся за кустами.

— Имдыат! — раздался оттуда его крик, и резко оборвался после глухого удара.

Сидевшие у костра замолчали и повернули головы в сторону зарослей. В это мгновение грохнул первый выстрел. Лицо длинного будто бы взорвалось кровавыми ошметками. Выстрелы загрохотали один за другим. Не успевшие ничего понять турки вскакивали и тут же падали, сметенные свинцовым вихрем. Лежавший неподалеку Степан уже выковырял пустую гильзу и досылал новый патрон. Денис опомнился и прильнул к своему ружью, ища цель. Однако увидел на лужайке лишь копошащиеся тела, в окровавленных, изодранных картечью лохмотьях. Рекруты продолжали стрелять, и он тоже выстрелил в сторону поляны, ни в кого конкретно не целясь. Пространство перед ним заволочло пороховым дымом.

Пока перезаряжал, выстрелы стихли. Тела на лужайке лежали неподвижно. Одна рогатина под вертелом, на который была нанизана косуля, завалилась, и румяная тушка, обугливаясь, шипела на углях.

— Сторит же, ити его, — крикнул Степан и, проломив кусты, кинулся спасать косулю.

Этот молчаливый детинушка до сих пор ничем особым не выделялся. Вел себя тихо и незаметно, ни с кем не общаясь, не вступая в споры и разговоры, вечно погруженный в какие-то свои думы. А тут вот вид сгорающего мяса вывел его из равновесия. Перепрыгивая через поваленные тела, подбежал к кострищу, ухватил за упавший край вертела и, обжегшись, снова уронил его. Схватившись обожженными пальцами за мочку уха, Степан обошел вокруг и, взявшись за другой край вертела, выволок зажаренную тушку из углей на траву. Только после этого парень обратил внимание на валявшиеся вокруг измочаленные картечью тела. Ощущение было такое, будто турок расстреляли из пулемета, причем расстреляли основательно, размолотив плоть до неузнаваемости. Судя по всему, эта картина заставила солдата потерять интерес к аппетитной косуле, и он, побледнев лицом и ухватившись одной рукой за живот, а другой прикрыв рот, побежал обратно в кусты.

К месту побоища уже подошел Григорий. Следом шел Тимофей. Из-за деревьев по одному выходили новобранцы. Денис тоже поднялся и вышел на открытое место. Однако приближаться к расстрелянным туркам не спешил. Он слышал, как за кустами выворачивало Степана, и не желал присоединиться к нему.

— Ефимий! Фимка, твою медь! — окликнул старшина отцепляющего от трупа саблю рекрута. — Брось ты енту саблю. Поднимись по этому склону, схоронись да смотри, чтобы со стороны хутора кто не появился. Уразумел задачу?

— Все понял, господин старшина Григорий Антипыч, — кивнул Фимка, но ножен с сабелькой не бросил. Побежал вверх по противоположному склону, на ходу одной рукой цепляя на себя перевязь, другой волоча прикладом по траве ружье.

По одному рекруту старшина отправил в дозоры вверх и вниз по дну лога. Нифона с бледным Степаном и с еще одним солдатом Григорий послал за оставленными под присмотром Семена лошадьми и амуницией. Оставшимся троим новобранцам приказал

перетаскать тела в заросли и закидать ветками. Тимофей, по собственной ли инициативе, по приказу ли старшины, обыскивал расстрелянных турков, ни чуть не смущаясь их страшным видом. Осмотренные тела солдаты оттащивали в заросли. попаданец остался ломать ветки, для того чтобы забросать растущую гору трупов.

— Накась вот, — протянул ему турецкую саблю один из солдат, когда приволокли очередной труп, — сабелькой-то ветки рубить сподручнее.

Денис машинально ухватил протянутое оружие и почувствовал на руках нечто липкое. Рукоять сабли была так сильно испачкана в крови, будто специально в нее макнули. Глянув на руки товарищей, удаляющихся за очередным трупом, парень увидел, что они были испачканы кровью не меньше, чем рукоять сабли. Его замутило. Сорвав пучок травы, кое-как оттер им ладонь. Новым пучком протер рукоятку сабли. Закончив, принялся с остервенением рубить ветки.

Тем временем старшина с Михаилом выволокли из кустов оглушенного турка и принялись его трясти, приводя в сознание. Подпоручик вышел было с ними, но, понаблюдав пару секунд за Тимофеем, сдирающим окровавленными руками какую-то сумку с изувеченного трупа, в точности повторил недавние действия Степана.

— Ничо, обвыкнется, — проводив взглядом скрывшегося за деревьями подпоручика, проговорил Григорий и пнул лежащего перед ним турка. — Очнешься ты, чи не, басурманское отродье?

— Водичкой бы его окатить холодной, — предложил Михаил.

— Где ж ее взять-то, водичку, да еще и холодную? — старшина, прищутив левый глаз, что-то прокрутил в мозгу. — Дионис! Хватит уже саблей махать, не то весь лес выкосишь напрочь. Бери вон котел басурманский да беги на хутор за водой. Быстро чтоб, токма осторожно. Вражин увидишь — тикай. Коли они тебя тоже узреют — пали из ружья, дабы нас предупредить.

Взяв большой, литров на десять, закопченный котел, парень брезгливо провел пальцем по жирной внутренней стороне.

— Да не вздумай его мыть, — прикрикнул старшина, заметив действия Дениса, и, когда тот побежал вверх по склону, крикнул закончившим перетаскивать трупы рекрутам: — А ну, ребя, неча рассиживать без дела. Подите сюда. Постерегите этого басурманина. А мы с Михаилом пошарим окрест, может увидим чего.

Поднявшись по склону, Денис увидел Фимку, наблюдающего за дорогой из-за куста боярышника. Показав ему котел, мол, я за водой, пробежал дальше. Знакомый лошадиный череп встретил его пустыми глазницами, цветок одуванчика уже отцвел и, превратившись в пушистый шарик, разлетелся по окрестностям сотней белых парашютиков.

Когда вернулся обратно, старшины не было. Зато, рядом с плененным османом сидел бледный подпоручик. Тимофей, даже не удосужившись отмыть руки от крови, прилаживал над углями тушку косули. Меж деревьями было видно как оставшиеся двое солдат закидывали ветвями результаты свинцовой мясорубки. Если бы не обильно политая кровью лужайка, то будто бы и не было недавней бойни. Ну, если не обращать внимания на кучу окровавленных трофеев — оружия и амуниции, сложенную Тимофеем.

Денис остановился, не зная что делать с принесенной водой.

— Лей на харю тому, — кивнул в сторону подпоручика и пленного Тимофей.

— Кому? — парень не сразу сообразил, кому сейчас нужнее ледяной душ.

— Ить турку, балда, — пояснил солдат и хохотнул. — Нешто ты господина поручика

освежить собрался.

Подумалось, что юному офицеру холодный душ был бы как нельзя кстати, но вслух ничего не сказал. Подойдя, с размаху плеснул из котла на турка, заодно обдав брызгами подпоручика. Тот от неожиданности подскочил, а пленный, очнувшись, зафыркал отплевываясь от попавшей в рот воды, засучил связанными ногами.

— Извините, — сконфуженно произнес новобранец, глядя на отряхивающегося подпоручика.

— Имдэат! — вдруг закричал связанный турок и попытался было вскочить, но тут же рухнул обратно, сморщив лоб и жалобно запричитав: — Вай, баш ым аар ьер. Нэсыл баш ым аар ьер.

— Чегой-та ты тут каркаешь, сучонок? — легонько пнул его в бок подошедший Тимофей.

— Погодите, солдат, — вмешался подпоручик, — пленного надо допросить.

— Дык эта, ваш бродь, — удивленно пожал плечами Тимофей, — рази ж он добром по-русски заговорит?

— А коли он языка не знает, то от ваших тычков его не выучит, — резонно заметил подпоручик и обратился к турку, смотревшему на них широко открытыми, полными страха глазами. — Вы по-русски говорите?

— Анл амыерум, вай, анл амыерум, — слезливо запричитал тот, с надеждой глядя на молодого офицера с добрыми глазами и пытаясь отползти дальше от нависшего над ним Тимофея.

— Дую спик инглишь? — дернул Дениса за язык неизвестный черт.

Подпоручик с Тимофеем удивленно уставились на него.

— Ес, ес, — затараторил пленный, — инглиш ем ий и дезиль, э-э... литл спик.

— Сомов, вы понимаете, о чем он говорит? — спросил подпоручик.

Денис отрицательно помотал головой. Проблемы была в том, что он практически не знал английского. Знал лишь, что на фразу «дую спик инглишь» положено отвечать «дую, но слабо». Нет ну, конечно общепринятые технические и компьютерные термины он понимал, ну и еще пару-тройку слов запомнил из школьной программы, но не более.

— Я спросил, говорит ли он по-английски. Но дело в том, господин поручик, что я сам по-английски знаю только эту фразу.

— Я немного знаю по-французски, — произнес офицер и обратился к пленному: — Парле франсе?

— Анл амыерум... — снова залопотал тот.

Денис хотел было вставить «шпрехин зи дойч?», но вовремя сдержался.

Вернулись старшина и Михаил. Судя по следам, которые им удалось разглядеть, не более суток назад по дну балки с запада наведывалась большая группа всадников. Доехав до этого места, они развернулись и ушли назад, оставив здесь встреченную отрядом подпоручика группу. Для чего была оставлена эта группа — оставалось вопросом. И пленный турок, что-то скуливший на своем языке, был единственной надеждой на прояснение этого вопроса. Для более быстрого достижения взаимопонимания Григорий приподнял турка за шкуру и грохнул оземь так, что у того что-то квакнуло внутри. Пленный завыл было, но сразу и замолк, получив зуботычину. После предварительной процедуры старшина развязал пленному руки, и они начали общаться с помощью жестов, словно глухонемые.

Тем временем вернулись посланные за лошадьми и имуществом солдаты. Лошади

тревожно зафыркали и затрясли головами, обнаружив под копытами обильно политую кровью траву. Их отвели на полсотни метров к востоку и, стреножив, пустили постись.

До выяснения обстоятельств подпоручик распорядился располагаться для завтрака. Оставшаяся от турок зажаренная косуля пришлась как нельзя кстати. Но все же решили сварить и кашу.

Пока разводили новый костер, подальше от окровавленной поляны, Денис с Нифоном отправились за водой. Кроме котлов, они взяли пустые фляжки, собрав их у бойцов и надев гроздью на ремень. Пока поднимались вверх, попаданец, вспомнив про запах табака, как бы между прочим высказал Нифону удивление по поводу того, что за последние дни не встретил ни одного курящего.

— Курящего чего? — не понял тот.

— Чего, чего? Табак, естественно.

— Окстись ты, чего говоришь-то? На виселицу захотел? — испуганно воскликнул Нифон, загремев гроздью фляжек. — Нешто об указе Императрицы не слыхивал? Да и где это видано, чтобы русский человек энтим делом занимался.

— Да пошутил я. Чего ты так всполошился-то? — поспешил заверить товарища Денис, радуясь тому, что в свое время не пристрастился к этой вредной привычке, поработившей почти все население той России, где он родился и вырос.

Фимка по-прежнему лежал под тем же кустом боярышника. Заслышав звон фляжек, оглянулся. Узнав, куда направляются сослуживцы, отдал им и свою фляжку.

Зайдя на территорию сгоревшей Новоселовки Денис ощутил смутное беспокойство. Что-то было не так. Но он никак не мог сообразить, что.

— Чего встал, как пень? Держи фляжки, — не дал ему сосредоточиться Нифон. Он уже поднял из колодца наполненный студеной водой котел и держал на весу, поджидая, когда товарищ подставит горлышки фляжек.

Пока Нифон перебирал руками связанные ремни, опуская котел в колодец второй раз, попаданец закупоривал наполненные фляжки и оглядывался вокруг. Его не покидало тревожное ощущение. Наконец он понял причину своего беспокойства. Лошадиный череп валялся перевернутый в шаге от того места, где находился ранее, где Денис видел его менее часа назад.

— И примешь ты смерть от коня своего, — продекламировал он, отставляя фляжку и снимая с плеча ружье.

— Ась? — Нифон повернулся к товарищу с наполненным котлом и, увидев, что тот схватился за ружье, спросил: — Чегой-та ты?

— Тавой-та, — буркнул парень, лихорадочно соображая, что предпринять. Бежать назад? А вдруг, тут давно никого нет. Может, это вообще какое-нибудь животное сбило череп. А если нет? Если действительно здесь враг? Может, кто-то из турок отлучался в разведку, вернулся, а тут ... В любом случае надо предупредить старшину. Косясь по сторонам, попаданец прислонил ружье к колодезному срубу так, чтобы было под рукой.

— Нифон, — тихо обратился он к товарищу. — Перелей воду в этот котел и неси его обратно. Все быстрее кашу сварят. А я пока фляжки наполню. И это, короче, скажи старшине, что здесь кто-то был в последние полчаса. А может и сейчас где-то рядом прячется. Понял? Давай живее! Да не крути ты головой, чертила! Веди себя естественно... Ну, типа, веди себя спокойно. Иди, давай уже.

Нифон ушел, не возразив и не произнеся лишнего слова. Денис, зачерпнув котлом воду,

пристроил его округлым дном в травяную кочку, чтобы не перевернулся, и принялся прислонять к колодезному венцу фляжки, ибо одному было не сподручно держать одновременно наполняемую фляжку и лить из котла. Это занятие несколько притупило внимание и, не скользни он случайно взглядом по наполненному котлу, покатила бы его отрубленная голова под уклон, аккуратно к конской черепахе. Сперва парень заметил неясное движение, отразившееся в наполненном до краев котле. Глянув внимательнее, увидел отражение быстро приближающейся к нему человеческой фигуры с занесенным над головой клинком. Сознание благоразумно отодвинулось, уступив место инстинктам. Схватив стоящее по левую руку ружье, Денис крутанул его, разворачивая стволом вниз, и из-под правой руки, вставая, ударил штыком за себя, стараясь достать как можно дальше, как день назад учил Михаил. Штык легко вошел во что-то мягкое. Сзади послышался хрип и глухой стук упавшей на землю сабли.

Не выпуская из рук ружья, он обернулся и увидел незнакомого солдата, одетого в такую же, как и у него самого форму. Выпучив глаза и хрипя, тот схватился обеими руками за ствол. Штык на всю длину был погружен в его живот, вероятно выходя концом наружу со спины. Новобранец потянул винтовку на себя, но солдат продолжал крепко удерживать ствол. Денис дернул сильнее и, совершенно не желая того, нажал на спусковую скобу. Долю секунды они продолжали бороться за обладание ружьем. Грохнул выстрел, вынеся зарядом картечи противнику все внутренности вместе с позвоночником, очистив от них штык. Врага отбросило и он упал, неестественно переломившись пополам. От неожиданности новобранец дернул на себя освободившееся ружье, которое и так кинуло назад отдачей, и оно впечаталось прикладом ему под дых, заставив выпучить глаза и захрипеть от нехватки воздуха точно так же, как несколько секунд назад пучил глаза и хрипел нанизанный на штык противник.

За высокими зарослями бурьяна, разросшегося за пепелищем на котором давеча лежал лошадиный череп, послышались неясные голоса. Судорожно пытаюсь вдохнуть, Денис увидел выходящего оттуда офицера, в руках у которого был точно такой же револьверный монстр, как у их подпоручика. И целил офицер этой машинкой смерти прямо в попаданца. Наконец-то воздух заполнил легкие и рекрут, видя, как офицер нажимает на спуск, кинул тело в сторону. Раздался выстрел и котел разлетелся чугунными осколками. Новый рывок, и солдат скрылся за колодцем. Пока нырял, вторым выстрелом чуть не вырвало ружье из рук. Пуля попала в верхнюю часть приклада, расщепив его. Но все же, ружье осталось годным. Понимая что вряд ли успеет, принялся перезаряжать оружие.

В это время Ефимий, проводив взглядом бегущего с котлом в руках Нифона, продолжал нести вахту за кустом боярышника. Услышав первый выстрел, он встревожено поднялся, не зная, что делать. Предупредить своих? Так, чай не глухие, наверняка сами слышали. Рассуждая таким образом, солдат двинулся в сторону хутора. Один за другим грохнули еще два выстрела. Обогнув заросли акации, Фимка увидел прячущегося за колодезным срубом товарища и стреляющего в него офицера русской армии. Новый выстрел взметнул фонтан щепы с верхнего венца.

— Эй, мы же свои! — крикнул Фимка, решив, что произошло недоразумение.

Спасло Ефимия только то, что револьвер офицера был заряжен пулевыми, а не картечными патронами. Пуля, выпущенная на его крик, лишь выбрила полосу на темечке, сорвав бескозырку. Однако пощадив Фимку и прошив кусты акации, пуля раздробила горло одному из рекрутов, бегущих на выстрелы вслед за старшиной и подпоручиком. Остальные

тут же залегли, выискивая глазами противника. Кто-то выстрелил наугад по зарослям. Картечь, миновав кусты, впилась в землю недалеко от ног ошарашенного Фимки, разметав в клочья его и так уже продырявленную бескозырку. Прочувствовав серьезность обстоятельств, новобранец рухнул на землю, избежав тем самым второй выпущенной по нему пули.

Вся эта кутерьма дала возможность Денису перезарядить ружье. Поняв, что стреляют не по нему, он осторожно выглянул из-за угла сруба, стараясь прижаться как можно ниже. Офицер стоял к нему боком и стрелял в падающего Фимку. Что за чепуха? Почему русский офицер стреляет в русских солдат? Неужели произошла какая-то чудовищная ошибка? Видя, что следующим выстрелом незнакомец прикончит распластавшегося на земле товарища, Денис выстрелил в воздух. Офицер развернулся и выстрелил в него.

— А, черт! — завопил попаданец, отпрянув за колодец. Крупная щепка, выбитая пулей, вонзилась ему в щеку. Выдернув щепку, он со злостью принялся перезаряжать ружье. — Ну, блин, урод! Снесу башку на хрен! Слышишь, урод! Кранты тебе, понял?!

Снова кто-то выстрелил.

— Дионис, ты живой? — послышался крик Фимки, когда прячущийся за срубом солдат уже досылал патрон.

Выглянув, он увидел лежащего лицом вниз офицера. Китель на его спине изодран картечью. Чуть дальше из облачка порохового дыма вышел Фимка. Ружье в его руках было направлено на поверженного.

— Я его убил? — неизвестно у кого спросил он. А увидев еще один труп, с практически отсутствующей средней частью туловища, задал еще более наивный вопрос: — А это кто?

— Это почтальон Печкин, — ответил Денис, опираясь спиной о бревно сруба.

В зарослях бурьяна послышалась возня. Кто-то мычал, будто ему затыкали рот. Новобранец вскинул ружье, направляя его в сторону звуков. Если бы не сдавленный крик, донесшийся оттуда, он, наверное, выстрелил бы не задумываясь. Злость на офицера еще кипела. Но, поняв, что там происходит какая-то борьба, решил не спешить с выстрелом.

— Что здесь произошло? Где Сомов? — услышал он голос подпоручика и поднялся из-за колодца.

Рядом с Фимкой уже стояли старшина и подпоручик. С ружьями наготове подбегали другие солдаты.

— Там кто-то есть, — указал Денис в сторону слышимых звуков.

Григорий что-то сказал, и Тимофей с Михаилом побежали в обход зарослей бурьяна, один с одной стороны, другой — с другой. Остальные солдаты залегли, целясь в заросли. Подпоручик и старшина остались стоять, но оружие держали наготове.

Послышался строгий голос Михаила, потом глухой шлепок, и кто-то жалобно заскулил, что-то быстро лопоча. Верхушки бурьяна зашевелились, выдавая движение. Заросли раздвинулись, и из них кубарем вывалился человек, одетый в солдатскую форму. Следом вышли посланные старшиной солдаты. Тимофей нес на руках связанную по рукам и ногам женщину. На ее голову надет черный мешок, перетянутый веревкой так, что та врезалась в приоткрытый рот, лишая пленницу возможности говорить. Некогда дорогое платье перепачкано и во многих местах порвано.

— Ах, — воскликнул подпоручик, увидев женщину, — развяжите ее немедленно.

Старшина же первым делом подошел к поверженному офицеру, перевернул его лицом вверх, внимательно осмотрел. Потом подошел к ноющему незнакомому солдату, взяв его за шкуру, поднял на ноги.

— Кто таков этот полковник? — кивнул он на труп.

— Э-э-это его высокоблагородие по-по-полковник Теличко, — заикаясь от страха, ответил солдат.

— Это кто? — старшина указал на женщину, которую Тимофей уже поставил на землю и освобождал от пут.

— Негодяи! Вас всех повесят!»! Отпустите меня немедленно! — закричала пленница, как только Тимофей развязал веревку, стягивающую мешок.

[Купить полную версию книги](#)